

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации
Кафедра межкультурной коммуникации,
риторики и русского языка как иностранного

**Теория и практика коммуникативно-ориентированного образования:
формулы вежливости на занятиях по иностранному языку**
Выпускная квалификационная работа
(магистерская диссертация)

Квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой

дата

подпись

Руководитель ОПОП:

подпись

Исполнитель:
Меньшикова Анна Артуровна,
обучающийся группы МРИА-1501

подпись

Научный руководитель:
Чудинов Анатолий Прокопьевич,
доктор филол. наук, профессор

подпись

Екатеринбург 2017

Содержание

| | |
|---|----|
| ВВЕДЕНИЕ..... | 4 |
| ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ «ВЕЖЛИВОСТИ» В ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ | 9 |
| ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ. КОМПАРАТИВИСТСКИЙ МЕТОД, ЕГО ОСОБЕННОСТИ И ПРЕИМУЩЕСТВА | 18 |
| ГЛАВА 3. СРАВНЕНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ЭТНОСТИЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО И ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА. ПОИСК «КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ» | 28 |
| 3.1. Прямой и не прямой стили общения | 33 |
| 3.1.1. Проявленность дихотомии «прямой-непрямой» в японской культуре ... | 33 |
| 3.1.1. Проявленность дихотомии «прямой-непрямой» в английской культуре | 36 |
| 3.2. Развернутый и краткий стили общения..... | 41 |
| 3.2.1. Проявленность дихотомии «развернутый-краткий» в японской культуре..... | 40 |
| 3.2.2. Проявленность дихотомии «развернутый-краткий» в английской культуре..... | 42 |
| 3.3. Личностный и контекстуальный стили общения..... | 45 |
| 3.3.1. Проявленность дихотомии «личностный-контекстуальный» в японской культуре..... | 45 |
| 3.3.2. Проявленность дихотомии «личностный-контекстуальный» в английской культуре | 47 |
| 3.4. Инструментальный и аффективный стили общения | 51 |
| 3.4.1. Проявленность дихотомии «инструментальный-аффективный» в японской культуре | 51 |
| 3.4.1. Проявленность дихотомии «инструментальный-аффективный» в английской культуре | 53 |
| ГЛАВА 4. ПРАКТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ. ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСПРИЯТИЯ «КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ» В ЯПОНСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРАХ | 57 |
| ЗАКЛЮЧЕНИЕ | 72 |
| СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ..... | 77 |

| | |
|--------------------|----|
| ПРИЛОЖЕНИЕ 1 | 82 |
| ПРИЛОЖЕНИЕ 2 | 85 |
| ПРИЛОЖЕНИЕ 3 | 90 |
| ПРИЛОЖЕНИЕ 4 | 97 |

ВВЕДЕНИЕ

Уже со времен Достоевского, утверждавшего «язык – народ»¹, ученые осознавали особую роль языка в отношении к культуре – роль инструмента, с помощью которого культура манифестирует себя в качестве уникальной, непохожей ни на какие другие родственные ей культуры. Все моменты, характеризующие культуру как единственную в своем роде: картина мира, складывающаяся в разуме носителя культуры, ценностная субординация находят свое отражение в языке-носителе. Также, будучи главным инструментом познания внешнего мира и систематизации полученных знаний, язык сам формирует стереотипы мышления, речевого поведения и культурного взаимодействия людей между собой; можно сказать, что язык «воспитывает» своего носителя.

Даже в современной ситуации взаимопроникновения культур и кажущегося стирания культурных границ мы все равно сталкиваемся с проблемой восприятия иной картины реальности, носителем которой является наш собеседник-иностранец, что находит отражение в работах современных философов. Так, к примеру, один из ведущих теоретиков культурного перевода Хоми Баба вводит понятие «внедомности», травмы культурной дислокации - состояния ступора, в который впадает постсовременный человек, находящийся на рубеже двух культур: несмотря на то, что он уже успел выработать отстраненно-аналитический подход к обеим, для него остается граница чужой культуры, которую он не в состоянии пересечь².

В сфере обучения иностранным языкам данная проблема встает особенно остро, так как ни классический, ни современный коммуникативный подход не уделяют этой проблеме должного внимания. Классический, или грамматический подход не рассматривает речевой акт как отдельное явление

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 2 т. / М.: Книжный Клуб 36.6, 2011. — Т.2. — 752 с.

² Bhabha Н. К. The Location of Culture. L.& N.Y., 1994., с. 25.

и сосредотачивается лишь на его локутивной составляющей (фонетической правильности произношения слов, их связывание в единое высказывание по правилам грамматики, а также их референцию к объектам реального мира), тогда как иллокутивная часть высказывания, к которой и относится желание говорящего продемонстрировать понимание и уважительное отношение к культуре носителя языка коммуникации, остается без внимания. С другой стороны, многие приверженцы коммуникативного подхода демонстрируют понимание коммуникативной компетенции исключительно в прагматическом ключе: как умение сообщить собеседнику свое мнение, желание или просьбу, добиться от него некой реакции. «Успешность речевого общения – это осуществление коммуникативной цели инициатора (инициаторов) общения и достижение собеседниками согласия»¹. По нашему мнению, сведение коммуникативной удачи исключительно к прагматическому результату коммуникации не учитывает особенностей стратегий речевого поведения в различных культурах, для многих из которых (в частности, для японской) речевой акт ценен не предпринятыми в его результате действиями.

Данная проблема актуальна в сфере изучения восточных языков, которые считаются традиционно трудными для освоения представителями европейской цивилизации: доказал свою несостоятельность грамматический подход, в рамках которого предполагалось, что овладение грамматикой и лексикой будет достаточным для обеспечения успешной коммуникации с носителем языка. Как практикующие преподаватели, так и культурологи сходятся во мнении, что лингвокультурология с необходимостью должна стать частью учебного плана, но вид и способ подачи лингвокультурологического материала все еще являются предметами спора: так, например, среди японоведов имеет своих сторонников подход А. Вержбицкой, утверждавшей необходимость выработки универсальных понятий «лежащих в основе психологического единства человечества». С ней

¹ Лазуткина Е.М. Коммуникативные цели, речевые стратегии, тактики и приемы // Культура русской речи: учебник для вузов. – М., 1998. – С. 50–79.

спорит Т. Гуревич, отстаивающая самобытность японской культуры.

С другой стороны, также и в изучении английского языка, знакомого нам еще со школьных учебников, место лингвокультурологии в учебном плане может представлять собой методическую проблему. Согласно стереотипному восприятию, английский язык маркируется авторами УМК как «более вежливый» (в качестве примера можно привести А. Ю. Муратова и его статью «Political correctness and national mentality»), и с этой позиции предлагает учащимся строить коммуникацию, в то время как более глубокие исследования пишут о сложности и многогранности коммуникативных ценностей английской речевой культуры — так, Т. В. Ларина, суммируя предыдущий опыт исследователей, выделяет целых восемь ценностных параметров: индивидуализм, рационализм, независимость, прагматизм, соревновательность, равенство, традиционализм, толерантность¹. С нашей точки зрения, данные аспекты в их взаимосвязи — и, разумеется, в доступном для обучающихся формате — должны быть представлены в УМК в качестве культурологического ориентира успешности коммуникации.

Таким образом, не теряет своей актуальности проблема обучения лингвокультурным практикам и того, как они должны соотноситься с обучением языку вообще, что и обуславливает **актуальность данной работы**. Ее **спецификацию** — обучение категориям вежливости в японском и английском языках — определило наше желание сравнить специфику стратегии вежливого общения в восточной и западной культуре. Также мы предполагали в процессе исследования найти такие формы устной речи, которые бы наиболее наглядно демонстрировали ее связь с картиной мира носителей данных языков, или же, по выражению Ю.С. Степанова, «этические предписания, [которые] ... зависят от языка»²

Диалогическая речь была выбрана нами из всех речевых навыков по причине ее доминанты в рамках современного подхода к преподаванию

¹ Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. М.: Рукописные памятники Древней Руси, М., 2009., с. 35.

² Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997., с. 15.

языка, а именно в рамках коммуникативного подхода, авторы которого (Е.И. Пассов, Р.П. Мильруд) основной задачей при обучении иностранному языку ставили умение строить коммуникацию, поддерживать разговор.

Практическая направленность данной работы обусловлена необходимостью анализа учебного процесса (а именно процесса обучения английскому и японскому языку обучающихся старшего возраста), непосредственным руководителем которого является автор данной диссертации. Кроме того, данный этап обучения интересен тем, что именно на нем происходит интеграция между базовым образованием и дополнительными знаниями. Именно на старшем этапе обучения, по мнению методистов, в частности, В. В. Гузеева, целесообразно использовать такую педагогическую технологию, внедряющую учеников в процесс познания, нацеливающую их на поиск знаний, способствующую развитию вторичной языковой личности (при совершенствовании первичной), формирующую коммуникативную, социокультурную и межкультурную компетенции¹.

С учетом определенной нами актуальности и специфики данного исследования была сформулирована его **цель**: теоретическое обоснование и дальнейшая теоретическая проверка специфики понимания концепции вежливости для английской и японской культур.

Для достижения указанной цели надо решить следующие **задачи**:

1. Найти теоретический подход в рамках лингвистики, который бы выделял вежливость в качестве ключевой характеристики речевого акта и, исходя из его основных посылок, дать концепции «вежливость» строгое определение.
2. Определить, какая из методик теоретического исследования языков была бы подходящей для анализа и сравнения выбранных нами двух лингвокультур с точки зрения концепции вежливости, определенной ранее.
3. Действуя согласно выбранному нами методу, выполнить

¹ Гузеев, В. В. Содержание образования и профильное обучение в старшей школе. В. В. Гузеев. Народное образование. М., 2002., № 9., с. 22-23.

теоретическое сопоставление лингвокультур: определить их основные характеристики и языковые способы проявления данных характеристик.

4. Верифицировать полученную гипотезу на языковом материале, полученном от носителей языка одним из методов лингвистического или психолингвистического анализа.

В качестве **объекта** исследования выступают категории вежливости в английской и японской лингвокультуре.

Предметом исследования является проявленность данных категорий в речи современных носителей языка.

Методы исследования: настоящее диссертационное исследование представляет собой комплексное использование методов, принятых в прагматической и сопоставительной лингвистике. Основной теоретической базой выступает теория речевых актов Дж. Сёрля. Основным методом исследования служит метод межъязыкового сопоставления в рамках компаративистской лингвистики. В практической части диссертации используются также психолингвистический анализ, а именно – гипотеза «встречного текста» А Новикова.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые была предпринята попытка теоретического описания концепции вежливости в английской и японской культуре и произведен анализ полученных выводов на материале живого разговорного языка.

Практическая значимость настоящего исследования состоит в том, что его теоретические положения и выводы создают предпосылки для увеличения эффективности преподавания японского и английского языка в рамках коммуникативного подхода.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ «ВЕЖЛИВОСТИ» В ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Для того, чтобы определить, согласно какой лингвистической концепции мы будем рассматривать понятие «вежливость», мы решили проанализировать, в каком контексте ее употребляют авторы наиболее современных рабочих программ по иностранному языку, в частности — английскому. Обратившись к современным ФГОС мы видим, что понятие вежливости хоть и относится чаще всего к усвоению учащимся культурных норм («вежливая беседа», «вежливая просьба»), но так же имеет место быть и связанное с данным понятием присутствие в метапредметных навыках требование, которое относится к личностным универсальным учебным действиям, а именно «действие нравственно – этического оценивания усваиваемого содержания, обеспечивающее личностный моральный выбор на основе социальных и личностных ценностей»¹, то есть предполагается не только механическое запоминание и воспроизведение культурных норм учащимся, но и его личностное переживание ситуаций речевого поведения как ситуаций этического выбора, в которых он выступает как активный деятель. Таким образом, мы обратились к **психолингвистике**, которая рассматривает языковую семантику не только с точки зрения лингвистической прагматики, но и с точки зрения глубоко личностных процессов, происходящих с носителем языка в процессе коммуникации — так, в частности А.А.Леонтьев указывал, что целью психолингвистики является исследование механизмов порождения и восприятия речи в тесной взаимосвязи с изучением общественных институтов и развития личности².

В рамках психолингвистики мы обратились к теории, которая одной из первых сделала своим объектом психологическое состояние говорящего. Начало этому положил Джон Остин, который оспаривал господствующую в то время в лингвистике гипотезу о том, что функцией высказывания является

¹ Фоменко И.А. Создание системы формирования нового содержания образования на основе принципов метапредметности. / fomenko.edusite.ru/p35aa1.html.

² Леонтьев А.А. Психолингвистика // Тенденции развития психологической науки. — М., 1989.

простая референция к объектам реальности; такой гипотезы, в частности, придерживался молодой Витгенштейн, написавший в своем «Логико-философском трактате», что язык может только истинно или ложно (в зависимости от говорящего) отражать мир, так как логическая структура языка идентична логической структуре онтологии бытия¹. Остин же сфокусировал свое внимание на языковом явлении, которое он назвал «перформативами» - высказывания, которые являются частью неких поступков или действий. К примеру, Остин описывает фразу «Я согласен взять эту женщину в жены», которая является осмысленной только в рамках христианского обряда венчания; человек, который произносит данную фразу с необходимостью сопровождает ее предполагаемыми обрядом действиями, и, тем самым, вкладывает в нее личный смысл, который предполагает воплощение сказанного им в реальность. Слова здесь оказываются теснейшим образом связаны с этическими нормами и личностным переживанием данных норм: «Точность и моральность на стороне того, что мы скованы своим словом, как цепью»². Таким образом было положено начало **теории речевых актов**, которая рассматривала речевое поведение человека не только с точки зрения ее языковой составляющей, но также и объективную реальность каждой коммуникативной ситуации, включающую психологическое состояние коммуниканта. Джон Сёрль развил данную теорию, предложив разделить речевой акт на его локутивную (материальная явленность высказывания: очередность звуков или значков на бумаге), перлокутивную (воздействие высказывания на его слушателей — эмотивное или побуждающее к действиям) и иллокутивную (действие, которое мы совершаем в процессе речевого акта) компоненту. Говоря об иллокуции, Сёрль тесно связывает ее с субъективным состоянием говорящего и его желанием выразить данное состояние, которое, как правило, подкреплено сильными эмоциями, связанными с тем, что человек, как правило,

¹ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с нем. Добронравова и Лахути Д.; Общ. ред. и предисл. Асмуса В. Ф. — М.: Наука, 1958 (2009). — 133 с.

² Остин Дж. Л. Слово как действие. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. — М., 1986.

воспринимает свою точку зрения в качестве истинной и пытается убедить собеседника в своей правоте. Но для того, чтобы достичь иллюкативного результата, коммуниканту следует принимать в расчет языковые конвенции, а именно уметь анализировать, совпадает ли то, что он имеет в виду с тем, что данное высказывание значит с точки зрения языка; Сёрль приводит пример пленного солдата, который хочет притвориться перед своими врагами союзным немецким офицером и с этим намерением цитирует стихотворение «Kennst du das Land...» и успех задуманного мероприятия, по мнению Сёрля, зависит в том числе и от того, является ли для его слушателей умение цитировать немецкую поэзию доказательством того, что перед ними немец¹. Соответственно, опираясь на теорию речевых актов в изложении Дж. Остина и Дж. Сёрля, мы можем описать концепцию «вежливости», представленную в рабочей программе по иностранному языку как:

1. Понимание и умение анализировать и применять на практике свои знания о языковых конвенциях, связанных с культурными предписаниями;

2. Глубокое внутреннее переживание себя как носителя моральных ценностей и желание донести до собеседника данные ощущения.

Чтобы иметь возможность рассмотреть в дальнейшем эти составляющие концепта в их единстве (но с большим акцентом на личностной составляющей как наименее изученной), мы обратились к той сфере социалингвистики, которая сосредотачивает свое внимание не на макроуровне языкового коллектива, но на микроуровне индивида, на межличностном общении — на **интеракционной социалингвистике**, центральным понятием которой является понятие межиндивидуального взаимодействия, таким образом внимание исследователя сосредотачивается на индивиде. Основатель интеракционной социалингвистики, Джордж Герберт Мид, рассматривал акт коммуникации как акт глубоко

¹ Сёрл Дж. Р. Что такое речевой акт?; Косвенные речевые акты; Классификация речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.

индивидуальный, в котором важен прежде всего волевой акт, когда участник коммуникации желает передать своему партнеру ряд стимулов к поведению по мере обмена установками, символами и значениями, а успешность коммуникативного акта определяется тем, смог ли партнер воспринять закодированную информацию и среагировать необходимым образом: «смысл дается или формулируется в терминах отклика»¹. Кроме того, данный подход создал теоретическую базу для описания того, с чем сталкивается каждый, вступающий в межкультурную коммуникацию — с социальной обусловленностью языковых средств. Символическое восприятие себя и окружающей действительности целиком социально, и систему символов, которой мы оперируем можно объяснить лишь в терминах организованного поведения социальной группы. Таким образом, в рамках интеракционной социолингвистики мы можем сосредоточиться как на участнике социального акта межкультурного взаимодействия в его индивидуальности, так и на культуре, стоящей за системой его представлений о себе, собеседнике и служащей основанием для выбора им языковых и неязыковых средств коммуникации, а значит и выделить необходимые для практической части личностное и культурное основание концепта «вежливости».

Личностное основание, как нам кажется, наиболее полно было раскрыто Ирвингом Гофманом в его работах «Представление себя другим в повседневной жизни» и «Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу», где он сосредоточил внимание на ощущение себя (self) в микросоциальных процессах повседневного общения, которые организуют наше поведение и придают ему смысл. Его отказ помещать self исключительно в область психики, а также слияние self и социальной идентичности (social identity) может вызывать возражения у социологов и лингвистов — тех, кто занимается проблемой связи языка, социума и личности на более глубоком научном уровне, но идеально подходит, по крайней мере, для описания искусственно созданной коммуникативной среды

¹ Мид Дж. Г. От жеста к символу. М., 1996. С. 221.

учебного класса, а также приближенных к этому ситуаций. Такое слияние Гофман называет термином «face». “Face” определяется им как «позитивная социальная ценность, которую каждый утверждает в процессе коммуникации с другими и которая принимается остальными»¹; оно растворено в ситуациях взаимодействия и находит свое выражение только тогда, когда мы анализируем и интерпретируем наши слова и поступки. Гофман утверждает, что «face» - больше, чем просто ситуативная социальная маска, которую мы легко надеваем и снимаем, так как с ним связаны очень сильные эмоциональные переживания. Следовательно, для поддержания атмосферы позитивной вербальной коммуникации, людям необходимо прибегать к стратегиям «поддержания face», которые Гофман называет ритуалами. Ритуалы помогают участникам коммуникативного акта избежать ситуации, когда «face» партнера оказывается под угрозой: к примеру, маскировка речевого акта, когда мы вместо императива («Открой окно») используем вопросительное предложение («Вас не затруднит открыть окно?»), показывающее наш интерес к внутреннему состоянию адресата послания. Наше «face» в этом случае защищено постольку, поскольку данное поведение расценивается обществом как желательное, и позитивная оценка подкрепляет наше «self», «face» реципиента также оказывается вне угрозу, так как свобода его поступков не была нарушена грубым приказом. Итак, можно сделать вывод, что с точки зрения интеракционной социолингвистики **личностный аспект концепта «вежливости» состоит в создании и поддержании позитивного образа себя и других участников коммуникации при помощи символических ритуалов.**

Процесс выявления социального (или, в узком понимании - культурного) основания концепта вежливости речи мы можем проследить в работах Пола Грейса, а затем — в опирающейся на них теории вербальной коммуникации Джона Гамперца.. П. Грейс ставил перед собой задачу

¹ Гофман И. Ритуал взаимодействия. Очерки поведения лицом к лицу. Пер. с англ.; под ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. — М.: Смысл, 2009., с. 165.

сформулировать некие «коммуникативные максимы», принципы, которые обеспечивают подчинение всех аспектов коммуникативного акта единой цели, т. е., представление о том, что все языковые и неязыковые средства общения должны работать на ту цель, с которой завязался диалог. Эти максимы предполагают, что все участники придерживаются принципа кооперации — принципа, согласно которому участники речевой коммуникации стараются достичь взаимопонимания и избежать конфликта. Принцип кооперации описывает намерения коммуникантов, которые в обычной ситуации повседневного общения имплицитно присутствуют в их высказываниях как сами собой разумеющиеся предположения о вовлеченности собеседника в диалог. Так, если на вопрос об отсутствии кого-либо из учеников в классе, учитель слышит фразу «Он заболел», то мы скорее всего предположим, что именно болезнь стала причиной отсутствия этого ученика, так как мы ожидаем от других участников диалога желание внести свой информационный вклад и поддержать реплику говорящего. П. Грайс делит коммуникативные максимы на четыре основные группы:

1. Максимы качества (участник коммуникации стремится передать информацию в ограниченном объеме — не больше и не меньше, чем требует от него коммуникативная ситуация).
2. Максимы качества (собеседники не сообщают друг другу того, что считают заведомо ложным).
3. Максимы релевантности (собеседники не отклоняются от темы, обеспечивая связность коммуникации).
4. Максимы формы выражения (собеседники насколько возможно избегают неясности).

Теория коммуникативных максим П. Грайса подчеркивает, что в любой коммуникативной ситуации мы бессознательно стремимся совершить успешный акт коммуникации, в котором не пострадало бы ничье «face», и это справедливо как для повседневной коммуникации, так и для искусственно созданной учебной ситуации, где стремление создать условия для

комфортного для всех участников общения выражено эксплицитно словами и действиями учителя, однако это не объясняет тех проблем, с которыми сталкивается вступающий в межкультурную коммуникацию.

Джон Гамперц, последователь Грайса, объяснял данную ситуацию тем, что наше речевое поведение подчинено не только нашему подспудному желанию выстроить коммуникацию максимально эффективным образом, но также и открыто внешнему влиянию — социальному и культурному. Для анализа этого влияния он ввел новый метод «этнографической коммуникации» (ethnography of communication). Данный метод предполагает анализ коммуникации в более широком контексте социальных и культурных практик, а также верований членов речевого сообщества (speech community). Культурному влиянию подвержены не только периферийные сферы языковой системы (фонетика, темп речи, интонация, сопровождающие жесты, выбор лексики), но и грамматика, семантика, морфология, так как каждая сфера подчинена культурно обусловленной цели, которую она выполняет в разговорной речи данного сообщества. Сам же среднестатистический носитель языка редко до конца осознает их коммуникативную значимость. Так, по Гамперцу, мы можем определить межкультурную коммуникацию как **речевой процесс, в котором задействованы не только информация, но также и культурный опыт, предполагающий разное представление о языке и о том, какие речевые стратегии нужно применять в различных ситуациях.** Следует заметить, что сам Гамперц трактовал понятие «межкультурная коммуникация» максимально широко, включая в него также и культурную стратификацию внутри одного общества, сравнивая, например, языковое поведение белого и черного населения США. Такие культурные аспекты вербального и невербального поведения Гамперц называет «контекстуализирующими зацепками» (contextualization cues), или сигнальными механизмами, с помощью которых говорящий уточняет значение сказанного им (так, например, фраза «Мне нравится эта идея» может быть использована как похвала или же как саркастическое

высказывание в зависимости от манеры произношения). Использование и интерпретация контекстуализирующих зацепок глубоко коренится в постоянно воспроизводящихся ситуациях повседневного общения в рамках одной культуры. Однако в отличие от Сепира и Уорфа, настаивающих на принципиальной непостижимости природы контекстуализирующих зацепок, Гамперц утверждает, что их можно проанализировать, выучить (при помощи наблюдения за тем, как происходит языковое взаимодействие) и применять на практике, что имеет решающее значение для нашего теоретического обоснования необходимости преподавания концепта вежливости в рамках курса изучения японского языка. Позже, в своем труде «Пересматривая контекстуализацию» (Contextualization revisited. Amsterdam: John Benjamins, 1992) Гамперц говорит о связи коммуникативной неудачи, связанной с непониманием пресуппозиции собеседника и такими негативными социальными явлениями как этнические стереотипы и социальный разрыв между классами. Следовательно, в рамках данного подхода, вежливость понимается как знание о культурной составляющей язык коммуникации, умение считывать contextualization cues, а также по мере возможности, применять знания на практике.

Выводы по главе 1

Итак, подводя итоги нашей попытке анализа того, как понятие «вежливости» понимается в рамках формирования основных принципов преподавания иностранных языков мы можем выдвинуть следующие утверждения:

- концепция «вежливости», вежливого поведения, рассматривается с двух сторон: как производная личностной компоненты коммуникации и как производная социокультурной компоненты коммуникации, следовательно, мы можем говорить о личностной и культурной составляющей вежливости;
- в качестве производной личностных установок и мотиваций

участников коммуникации, вежливость понимается исследователями как стремление обеспечить благоприятную атмосферу разговора, в которой каждый сохраняет позитивный образ себя и собеседника, и которая помогает достигать наибольшей информативности общения;

- в качестве производной культурной среды, вежливость является навыком считывания культурной составляющей речи и внеречевых способов передачи информации, адекватная реакция на них и использование тех же сигнальных механизмов.

Следовательно, учебной программой курса японского языка, которая учитывала бы особенности стратегий вежливости при межкультурной коммуникации, происходящей как на английском, так и на японском языке, мы будем называть программу, содержащую следующие компоненты:

1. Методические указания преподавателю по созданию атмосферы позитивного взаимодействия, которая позволяла бы учащимся построить положительный образ своей языковой личности и личности окружающих в процессе взаимодействия. Также частью подготовки к процессу межкультурной коммуникации может служить опора на то, как описывается позитивный *face* коммуниканта самими англичанами или японцами, например, Дэвидом Мацумото в его работе «Психология и культура», где он противопоставляет западное и восточное понимание *positive face*.

2. Краткая справочная информация, изложенная соответствующим возрасту учащихся образом, которая формировала бы у них понимание основных целеполаганий англоязычной и японоязычной коммуникации (помимо передачи информации) с примерами того, как культура обуславливает импликации вежливости на лексическом и синтаксическом уровнях языка, а также в произношении и всех способах невербального общения (жесты, позы, мимика).

Именно такую программу мы будем называть программой, полностью реализующей социокультурную компоненту.

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ. КОМПАРАТИВИСТСКИЙ МЕТОД, ЕГО ОСОБЕННОСТИ И ПРЕИМУЩЕСТВА

Далее перед нами встал вопрос поиска методологии исследования, так как далеко не все способы исследования языков включали в себя такой критерий как рассмотрение культуры народа-носителя языка. Подходящая методология не могла быть частью прикладной лингвистики, так как, многими современными исследователями, в частности, Тони Харрисом отмечается, что, будучи вписанной в современные государственные институты, прикладная лингвистика вынужденно сосредотачивается на теории преподавания языков, а точнее, на кодификации приемов и подходов, которые в дальнейшем используются для накопления прикладной информации в виде корпуса для дальнейшего использования его педагогами и максимального наращивания ими эффективности преподавания. Таким образом, нам пришлось обратиться к теоретической лингвистике, так как, несмотря на то, что изначально это ответвление было направлено исключительно на составление лингвистических моделей в сфере морфологии, фонологии, синтаксиса и семантики языков, оно, в конечном итоге продемонстрировало необходимость выстраивания связей между языком и культурно-историческим контекстом его существования.

На этот путь нас натолкнули исследования выдающегося лингвиста Джозефа Гринберга: занятый поисками языковых универсалий и созданием генетической классификации африканских языков, он обратился к диахронической их составляющей. В частности, изучая процессы изменения согласных в африканских языках, он постулировал, что переход одних согласных в другие (к примеру, оглушение звонких согласных) связан с историческими условиями процесса их развития, а следовательно, последний должен быть подробно изучен, хотя сам и не занимался диахронией языка.

Его идеи были развиты Анной Вежбицкой, работающей в русле компаративистики, которая ввела в обращение такие термины, как «ключевые слова». Анализируя концепты различных культур, выраженные словами, которые

считаются «непереводимыми» на другие языки (к примеру, русское слово «пошлость» и его английский аналог «vulgarity», приведенный в Оксфордском словаре, кодируют разную информацию: первое связано с отсутствием высших, духовных ценностей, важных для русской культуры, тогда как второе связано скорее с общественным осуждением ненадлежащего поведения), она приходит к выводу, что слово, кодирующее культурную ценность, артефакт или ритуал в сознании носителя языка соотносится с опытом его взаимодействия с данным предметом (артефактом, ритуалом) и являются эмоционально окрашенными. Эмоциональную составляющую усиливает опыт окружающих людей, вступающих с ним в коммуникацию по данному предмету, и, таким образом, “в ходе сложного исторического развития в качестве типичного, в качестве нормального устанавливается какой-то один образ мышления, особый тип реакции”¹.

Итак, в итоге мы пришли к выводу, что лингвистическое направление, которое не только рассматривает язык без отрыва от культуры и истории народа-носителя данного языка, но также и прослеживает то, как эмоционально насыщенные исторические и культурные реалии отражаются в языковой конкретике (лексический состав, грамматический строй и так далее), то нам следует обратиться к **компаративистике и ее методу качественного языкового сравнения.**

Метод сравнительного языкознания был выбран нами постольку, поскольку он уже давно доказал свою продуктивность в сфере лингводидактики, а именно оптимизации процессов обучения иностранному языку. Доминанта изучения процессов сопоставления (или сравнения) изучаемого языка с родным, как правило, русским, где последний выступает в качестве эталона, была характерной чертой развития лингвистики в СССР, что обуславливалось исторической ситуацией - необходимо было создать условия для распространения культурного опыта в национальных республиках. Е.Д. Поливанов, которого принято считать одним из родоначальников сопоставительной лингвистики в СССР, задавался вопросами влияния родного языка, а в частности его фонетического строя, на восприятие

¹ Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д.Шмелева под ред. Т.В.Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. - С.263.

других языков и проблемы, возникающие вслед за этим в процессе изучения (статья 1931 года «Восприятие звуков иностранного языка»). Другой крупный лингвист, И.И. Мещанинов, писал, что новые изыскания в сфере сопоставительной классификации языков, отвечающей принципам марксизма-ленинизма в науке, дают значимый практический результат: «Стоящее здесь перед языковедом задание было далеко не простым. Дело начиналось с алфавитов и букварей, шло далее к школьным учебникам и завершалось углубленной работой над научными грамматиками, без которых не мог быть обеспечен надлежащий уровень школьных пособий».

Кроме того, важно отметить такой принципиальный момент, как глубокое понимание советскими исследователями уникальности языка и связанной с ним культуры: исследуя процессы образования наций и осмысливая их право на самоопределение и автономность (хотя бы и в контексте национально-освободительной борьбы против «империализма» и дальнейшего установления социалистического строя при поддержке СССР), они создавали фундаментальные теоретические исследования, посвященные территориальным диалектам и возможности развития на их основе литературного языка как для записи национального эпоса и прочей изустной традиции, так и для дальнейшего развития национальной литературы. «Строительство государства в эпоху капитализма возможно потому, что образуется национальный язык», - утверждал советский языковед Н.В. Жирмунский, автор известного исследования «Национальный язык и социальные диалекты»¹. Сам же он, кроме изучения ряда тюркских языков, вплотную занимался исследованием тюркского фольклора и эпоса, в частности, его работы, посвященные ногайскому эпическому циклу «Сорок богатырей», имевшему хождение среди народов Поволжья, Северного Кавказа и Казахстана, стали огромным вкладом не только в филологию, но и в историю: героями эпоса являлись многочисленные исторические личности (хан Тохтамыш, хан Мамай и другие). Невозможно также не упомянуть в данной работе Конрада Н.И., советского

¹ Мещанинов И.И. «Палеоазиатские языки». Известия академии наук СССР, отделение литературы и языка, 1948 г., том VII, вып. 6, 500 с.

востоковеда, в сфере научных интересов которого кроме входили японская и китайская философия, история и литература — в частности, именно он первым осуществил перевод на русский язык такого великого памятника японской литературы, как «Исэ-мологатари». Н.И. Конрад считал необходимым обращаться к лингвистике в процессе изучения истории народа, так как без анализа древнейших историко-мифологических сводов невозможно отследить генезис нации; любопытно, что несмотря на господствующее тогда марксистское понимание истории как смены формаций, единообразной для всех наций и государств, Н.И. Конрад, как и многие другие языковеды, утверждает о принципиальной уникальности протекания историко-экономических процессов для каждого этноса, в частности, в своем труде «Япония. Народ и государство» (1923г.) он пишет: «...все эти наслоения попадали на известную национальную базу, и, в результате, мы часто видим процесс значительного перерождения, трансформации этих наносных элементов, произведенных силою основной этнической природы японского народа»¹. В дальнейшем на всем протяжении текста он пользуется словосочетанием «этническая природа», делая акцент на уникальности и неповторимости, присущей каждой (в частности, японской) культуре изначально.

Здесь нам кажется необходимым отметить также тот пункт, что даже несмотря на господствующее в 1920-30 гг. косное «Новое учения о языке» Н.Я. Марра, советское языкознание оставалось сохраняла присущие ему установки на толерантность и уважение к другим культурам, не принимая суждения о том, что классовая сущность языка стирает границы между этносами и избегало таких ярлыков как «примитивные языки» и «развитые языки», что показывает как многочисленность оппонентов «марризма» в лингвистике (включая такие крупные фигуры как Е.Д. Поливанов, Н.С. Трубецкой и А.А. Реформатский) так и умеренная позиция тех, кто причислял себя к его ученикам (М.М. Гухман), которые объявили положения Н.Я. Марра «недостаточно разработанными», и развивали лингвистическую топологию на материале малых языков СССР в строго научном ключе, ограничиваясь лишь редкими цитатами из наиболее умеренных его работ,

¹ Н.И. Конрад. Япония. Народ и государство. Исторический очерк. — Пг., Наука и школа, 1923. — 168 с.

таких как «Грамматика чанского (лазского) языка» 1910 года, за которые он, как выдающийся ученый-кавказовед, получил звание академика вполне заслуженно. Затем стоит обратить внимание и на сущность критики теории «Нового учения о языке», а точнее, с каких позиций она производилась, и здесь наиболее показательным примером выступает статья самого И.В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании». Несмотря на то, что, например, В.М. Алпатов считает данную статью попыткой Сталина продемонстрировать свою научную подкованность и показать себя выдающимся теоретиком марксизма-ленинизма («Марр, марризм и сталинизм»), тем не менее официальная позиция главы государства не может не представлять интерес. Итак, ссылаясь на Ленина, Сталин утверждает, что национальный язык не настолько чувствителен к смене формаций, как утверждал Марр, а является продуктом всей истории народа: он возник как средство обслуживания всякой продуктивной деятельности человека и на протяжении смены эпох не изменялся качественно, а лишь накапливал исторический опыт народа, обогащался и усиливался. «Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»¹. Итак, мы снова видим магистральную линию советской лингвистики — внимание к культурной составляющей языка и живой интерес к истории народа-носителя данного языка, что мы ранее выделяли как черту, побудившую нас остановиться на методах сравнительного языкознания в качестве основных для данного исследования.

Конкретно сопоставительный метод берет свое начало в сопоставительной (сравнительной) лингвистике, основное направление развития которой предугадал в XIX веке Бодуэн де Куртенэ, отметив интерес своих современников к сравнению различных языков и построению классификаций, основанных на произведенных сравнениях — данную операцию он называл основой «индуктивных», т. е. обобщающим явления и отыскивающим основные законы развития наукам, к

¹ Сессия отделений общественных наук Академии Наук СССР, посвящённая годовщине опубликования гениального произведения И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»: Сборник материалов. — М.: Академия наук СССР, 1951. — 222 с.

которым относил и языкознание. Бодуэн де Куртэнэ тесно связывал изучение языка и изучение общества. «Так как язык возможен только в человеческом обществе, то кроме психической стороны мы всегда должны отмечать в нем сторону социальную»¹. Анализ языковых явлений ученый тесно связывал с развитием культуры общества — так, отслеживая проявления грамматической категории рода в различных языках, он пришел к выводу о том, что за ней скрывается нечто большее, чем наделение объектов живого и неживого мира принадлежностью к полу, но также и прослеживаются отношения между полами, традиционные для той или иной культуры, например, доминантность маскулинности, мужского начала в «хамитически-семитических языках» (по терминологии И.А. Бодуэна де Куртэнэ). Языкознание он полагал принадлежащим к сфере естественных наук (тогда как филология для него была скорее наукой исторической), соответственно методом языкознания для него являлся метод всех естественных наук — наблюдение. Наблюдая за явлениями языка и параллельно изучая историю и культуру общества, лингвист должен делать вывод о их взаимосвязи. Согласно его рассуждениям, как процесс оформления фонетического ряда того или иного языка проистекает из склонности речевого аппарата производить те или иные звуки, наложенную на психологическую склонность оценивать эти звуки как благозвучные, так и процесс формирования лексики и грамматики происходит из исторических процессов, затронувших людскую общину (в связи с этим для него лингвистика также может служить в качестве методологии для истории или этнографии). **Итак, беря за основу положения И.А. Бодуэна де Куртэнэ мы полагаем, что, опираясь на культурологические данные, мы можем проследить их отражение в двух анализируемых нами языках в виде лексических или грамматических особенностей.**

Конкретизируя данную методику, мы обратились к упомянутой нами ранее

Стоит, однако, отметить, что в то время пока не существовало определенных параметров для строго научного сопоставительного описания языков (в противовес

¹ Бодуэн де Куртэнэ Иван Александрович. Языковедение и язык. Исследования замечания, программы лекций. М.: Издательство ЛКИ, 2010. — 50 с.

«любительской» лингвистике) — к примеру, В.Б. Кашкин отмечает отсутствие разделения по параметру родственности/неродственности в сопоставительном языкознании XIX века. Оформление непосредственно сопоставительного метода произошло уже в XX веке и было связано с открытием так называемых языковых универсалий, которые исследовали такие выдающиеся лингвисты как В. Фон Гумбольдт, Б.Л. Уорф, Н. Хомский, Дж. Гриндберг, Х. Зайлер. С тех пор сопоставительный метод в лингвистике приобрел четкие критерии, которые, как нам кажется, наиболее полно были сформулированы У.К. Юсуповым в его статье «Сопоставительная лингвистика как самостоятельная дисциплина», среди которых мы выделяем:

1. Принцип сравнимости: сопоставляемые лингвистом явления двух изучаемых им языков должны принадлежать к одной категории, уже изученной и описанной в научных терминах (грамматика, морфология, фонетика, семантические поля, средства выражения неких категорий и т. д.);

2. Принцип системности: сопоставление должно исходить из системности взаимоотношений элементов языка.

С нашей точки зрения, планируемый нами сопоставительный анализ категорий вежливости в японском и английском языке полностью соответствует названным выше критериям, так как он, во-первых, анализирует универсальные для всех языков категории вежливости, стараясь при этом подобрать языковые средства их выражения одного уровня, а во-вторых, рассматривает данные категории в их взаимосвязи с культурными реалиями существования языка: определяя вежливость в качестве иллокутивной силы высказывания, мы устанавливаем его взаимосвязь с принципом подбора носителем языка языковых и речевых средств, способных выразить его намерения. Здесь может возникнуть справедливое замечание: по какой причине отправной точкой исследования объявляется именно культура? Не является ли это отголоском ушедшей в прошлое марксистско-ленинистских воззрений на лингвистику, выделяющей в культурно-языковых реалиях общества «базис» и «надстройку»? Для опровержения подобного рода возражений мы прибегаем к разъяснению А. Вежбицкой, на которую мы уже ссылались в этой главе, и теорией

«ключевых слов» которой мы собираемся воспользоваться и в дальнейшем. Вежбицкая пишет: «... часто ведутся споры о том, «отражают» или «формируют» образ мышления слова, заключающие в себе культуроспецифичные понятийные категории [...] но, по-видимому, эти споры основаны на недоразумении: конечно, и то, и другое»¹. Процесс порождения и воспроизведения культурных реалий и языковых концептов настолько неуловим и трудноописуем, что, как нам кажется, нет смысла задаваться вопросом о том, что следует изучать в первую очередь.

Опираясь на авторитет Вежбицкой, мы будем вести описание взаимосвязи культуры и языка с точки зрения обычного человека, иностранца, погружающегося в иную культуру, и видящего ее на первых порах не как строгую формулу, а как калейдоскоп явлений, причудливо пересекающихся между собой, а затем отмечающего наиболее непонятные для него явления и прослеживающего их логические связи в сфере материальной культуры, человеческого взаимодействия и так далее. Несмотря на кажущуюся наивность и ненаучность, А. Вежбицкая находит такой подход результативным – она находит неправильным критиковать Рут Бенедикт, которая не подвела достаточного основания для оправдания выбора концептов «он» и «гири» («личного» и «частного» долга) в своем исследовании японской культуры и японского языка, так как, с ее точки зрения, важно то, насколько ценны оказались ее выводы для лингвокультурологии и японистики – а эту ценность вряд ли можно отрицать. А. Вежбицкая, иронизируя, называет свой подход «холистическим», «атомистическим», но при этом невозможно не согласиться с тем, насколько он естественен для интересующегося чужой культурой человека, особенно для начинающего лингвиста.

Однако было бы неправильным говорить о том, что Вежбицкая предлагает нам опираться только на интуицию при поиске «ключевых слов» той или иной культуры. Определяя само понятие «ключевое слово», исследователь дает ему следующие характеристики:

1. Данное слово является общеупотребимым, а не периферийным, что

¹ Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д.Шмелева под ред. Т.В.Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. - С.263-305.

проверяется с помощью проверки по словарям частотности;

2. Данное слово, как правило, часто используется в одной конкретной семантической сфере, например, в области моральных суждений;

3. В большинстве случаев данное слово является центром «фразеологического семейства» (например, в русском языке таким словом является «душа» по отношению к ряду фразеологизмов типа «открыть душу», «душа нараспашку», «душа в душу» и так далее);

4. В процессе исследования данного слова мы становимся свидетелями того, как «разматывается клубок» (по выражению А. Вежбицкой) различных концептов, установок, ценностей и ожиданий, воплощаемых в языке и культуре.

Итак, методология поиска ключевых слов в контексте сравнительного языкознания, к которой прибегает А. Вежбицкая, кажется нам в достаточной степени научно обоснованной, а значит и подходящей для данного исследования.

Выводы по 2 главе

Итак, методология поиска ключевых слов в контексте сравнительного языкознания, к которой прибегает А. Вежбицкая, кажется нам в достаточной степени научно обоснованной, а значит и подходящей для данного исследования.

Подводя итоги по второй главе, мы можем сказать, что начиная поиск методологии для нашего исследования, мы исходили из следующих предпосылок:

1) Данная методология должна находиться в русле лингвистики, сочетающем в себе как теорию, так и практику;

2) За ней должна стоять многолетняя традиция, которая бы подтверждала ее основательность; множественные ученые труды, результатами которых являлись как фундаментальные лингвистические теории, так и практические наработки;

3) Особое место в данной сфере лингвистики должна была занимать лингвокультурология: язык должен был рассматриваться без отрыва от культурно-исторических реалий народа-носителя данного языка.

В процессе поиска мы выявили, что сравнительная лингвистика (или же компаративистика) отвечает всем заданным нами требованиям. Как мы увидели,

история компаративистики началась с интереса языковедов к истории и культуре народов, язык которых они изучали. Особенно интересно для нас было проследить историю развития данного направления, в частности – историю компаративистики в СССР, что позволило нам убедиться в том, что в процессе своего развития сравнительное языкознание много раз касалось проблем истории и культуры различных обществ, притом не только с теоретической, но и с практической стороны (развитие литературной традиции малых народов, литературная обработка их эпоса в рамках формирования их национальной осознанности и так далее). Это утвердило нас в мысли, что мы движемся в верном направлении.

Затем для того, чтобы уточнить процесс исследования, мы обратились к одному из основоположников традиции сопоставительных исследований языка, И.А. Бодуэну де Куртенэ, из работ которого мы взяли принцип одновременного исследования языка и культуры как двух систем, сопрягающихся друг с другом. И, наконец, ища концепт, который мог бы послужить отправной точкой для анализа характера английской и японской культуры и явленности данной взаимосвязи в японском и английском языке соответственно, мы взяли в качестве рабочей гипотезы теорию А. Вежбицкой о «ключевых словах». Иными словами, мы можем сказать, что, подкрепляя наши установки авторитетом А. Вежбицкой, мы можем назвать методологию нашего исследования не просто методологией сравнительного языкознания, а методологией поиска ключевых слов в выбранных нами языках. Начиная с исследования двух культур (становясь при этом на позицию наблюдателя, а не эксперта с заранее сформированной точкой зрения на предмет) мы предполагаем, что сможем выделить феномен, который, с нашей точки зрения, мог бы служить ключевым для понимания английской или японской культуры и найти его отражение в соответствующем языке, т.е. найти «ключевое слово» соответствующей культуры, чтобы затем, в дальнейших главах, проанализировать, насколько данный концепт отражен в теории и практике преподавания английского и японского языков.

ГЛАВА 3. СРАВНЕНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ЭТНОСТИЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО И ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА. ПОИСК «КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ»

Как мы уже отмечали в первой главе, понятие «вежливость» весьма обширно и проявляется в языке и коммуникативном поведении на всех уровнях. Чтобы сузить область исследования и дать учащимся базовое представление об этикетной норме в английской и японской культуре, необходимо выделить основные элементы данной нормы, что подводит нас к необходимости описать основные черты коммуникативной личности, позволяющие всем участникам беседы сохранить *positive face*, к какой бы культуре они не принадлежали, для чего необходимо обратиться к теории и истории обеих культур, выделяя в них значимые для изучающего концепты. Для этого нам необходимо еще раз рассмотреть понятие *positive face* в обеих культурах, а затем обратиться к одной из теорий культурной классификации, которая в дальнейшем служила бы нам ориентиром для применения сравнительно-исторического метода исследования к двум изучаемым нами культурами и облегчала бы поиск «ключевых слов» английского и японского языка, отражающих релевантный для обеих обществ концепт вежливости.

О разнообразии понимания *positive face* в различных культурах говорили многие авторы сопоставительных исследований в области повседневной речи, в частности, Мария Сифиану и ее анализ прагматического аспекта вежливости в английском и греческом языках. Сифиану утверждает, что вежливость проявляется не столько в речи, сколько в социальных практиках вообще, а также оспаривает тот факт, что *face-threatening acts* (действия, угрожающие позитивному *face* собеседника) выражаются примерно одинаково во всех культурах: с помощью поддержания дистанции между говорящим и слушающим и нивелирования силы воздействия на собеседника. В греческой культуре, с ее слов, поддержание *face* выражается в демонстрации солидарности с собеседником, что противоречит положению Грайса о ведущей роли информативности в

коммуникации — для носителя греческой культуры ценностью будет не истинность высказывания, а личный характер беседы. «Face» принадлежит не только ограниченному во времени контакту между говорящими, но также и личной модели коммуникативного поведения, сформированного у каждого из них ранее»¹.

Однако это вовсе не означает, что вербальные и невербальные формы вежливости должны оставаться неизученными и непереуказанными на язык другой культуры. Ежедневная преподавательская практика формирует у нас интуитивное понимание того, о чем говорят П.Браун и С.Левинсон в своих работах: даже в рамках одного общества существуют различные типы вежливости, которые по-разному распределены в разных социальных группах, что, однако, не мешает считать коммуникативное пространство внутри данной культуры достаточно гомогенным для того, чтобы иметь возможность сопоставлять ее с другими культурами. В повседневном общении мы на практике применяем множество стратегий коммуникативного поведения, не разрушая при этом целостный образ self и face. Данное наблюдение можно перенести и в сферу кросс-культурной психологии, где наиболее прагматическим нам видится подход Г.Триандиса, который сравнивал изучение культуры с изучением правил игры, в которую участнику коммуникации предстоит сыграть. Данная позиция достаточно точно описывает учебную ситуацию, которая сама по себе часто оценивается ее участниками как игра по определенным правилам.

Таким образом, мы видим, что выделение и категоризация некоторых коммуникативных доминант, которое бы упрощало их восприятие учащимися и превращало бы их в четко прописанные правила игры а также на интуитивном уровне формировало бы у них понимание принципа лингвистической относительности, возможно еще на этапе теоретического знакомства с чужой культурой. Однако, для более наглядной классификации и категоризации этих особенностей, а затем, на ее основе – выделения

¹ Sifianou M. On culture, face and politeness. Again! Researchgate, London, 2015. – С. 64.

концептов и ключевых слов, нам необходимы критерии сравнения японской и английской коммуникативной культуры с русской (воспринимаемой нами как данность, а потому в данном исследовании специально не оговариваемую), а также – между собой.

Данные критерии представляется необходимым искать в сфере относительно нового научного направления — **коммуникативной этностилистики**. Коммуникативная этностилистика возникла как междисциплинарное направление на стыке стилистики, психологии, социолингвистики и теории коммуникации. Объект ее изучения — речевые стратегии носителей различных культур, а предмет — коммуникативный этностиль (культурные средства коммуникации в совокупности). Коммуникативная этностилистика дает ответ на вопрос о том, что из «богатого арсенала языковых средств (вербальных и невербальных) и в каких условиях уместно, пригодно, целесообразно, а что — неуместно, непригодно, нецелесообразно»¹.

С самого своего зарождения коммуникативная этностилистика пыталась выделить определенные критерии для сопоставления различных культур между собой, стараясь при этом контролировать интенсивность некоторых упрощений, неизбежно возникающих в процессе — как это сформулировал В.М. Глушак в своей статье «Моделирование образцов речевого поведения»: «Речь идет о типизированном поведении типизированного человека в типизированных условиях»².

Первым шагом на этом пути была «теория лица», она же “face-negotiation theory” (*перевод мой — А.М.*), которая была основана на исследованиях Брауна и Левинсона, таких, как «Politeness: some universals in language usage», где анализировались концепты «лица» и «потери лица» в китайской культуре. Согласно данной теории, «лицо» - это метафора имиджа человека, которое включает в себя, с одной стороны, личностное суждение о

¹ Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009., с. 42.

² Вестник ТГУ, выпуск 7(51), 2007., - С. 17.

себе с точки зрения предписываемой культурой морали, с другой стороны – положение человека в обществе, связанное с его статусом, поведением, властными полномочиями или отсутствием таковых. Стелла Тинг-Туми (Stella Ting-Toomey) развила эту теорию, уточнив, что разное понимание «лица» ведет к разному типу коммуникаций, особенно в конфликтных ситуациях, когда коммуникант чувствует угрозу своему «лицу» и вынужден защищаться: здесь Тинг-Туми применяет деление культур на **«коллективистские»** и **«индивидуалистские»**, утверждая, что представители культур первого типа будут предпочитать уклоняться от прямого конфликта, а второго типа — провоцировать его. Так состоялась первая попытка классификации культур и культурного поведения.

Вторую, более глубокую по содержанию классификацию, которой мы в дальнейшем будем придерживаться в рамках данного исследования, создал один из наиболее влиятельных теоретиков этностилистики — Уильям Гудикунст, который поддержал и развил идеи Тинг-Туми. Он сформулировал так называемую «теорию растерянности» (anxiety theory), в которой он обосновал постоянное присутствие при межкультурном общении таких факторов, как неуверенность (uncertainty) и растерянность (anxiety). Минимизацию влияния данных факторов на восприятие собеседника можно обеспечить с помощью стереотипов — но не стереотипов в обыденном понимании этого слова, которые несут с собой предубеждения и негативное отношение к представителям иной культуры, - а стереотипов как способов категоризации поведения, основанных на:

1. способности воспринимать большое количество информации о культуре собеседника (чем больше мы знаем, тем больше у нас возможностей правильно интерпретировать его поведение);
2. гибкости реакции;
3. толерантности;
4. эмпатии.

Тогда категории, с помощью которых мы описали для себя культуру

собеседника послужат более полному пониманию его речевой личности и послужит способом снятия неуверенности и растерянности в общении с ним. Итак, для описания этнических особенностей коммуникации Гудикунст предлагает схему, основанную на четырех дихотомических противопоставлениях: **прямой (direct) и непрямой (indirect) стили; сложный (elaborate) и краткий (succinct) стили; личностный (personal) и контекстуальный (contextual) стили; инструментальный (instrumental) и аффективный (affective) стили.**

Прямой и непрямой стили коммуникативного поведения, согласно Гудикунсту, выражаются в том, насколько прямо и открыто в речи коммуниканта выражены его намерения. В культурах прямого стиля коммуникации участник общения непосредственно проговаривает партнеру свои желания и просьбы, в культурах непрямого стиля принято использовать намеки и косвенные указания.

Сложный и краткий стили связаны с длительностью единократного коммуникативного акта, его лексическим разнообразием и эмоциональной насыщенностью используемой лексики. Сложный стиль коммуникации предполагает, что монологическое высказывание коммуниканта будет многословным и экспрессивным, краткий характеризуется использованием умолчания и невербальных способов коммуникации.

Личностный и контекстуальный стили связаны с тем, какие социальные роли приписываются в данной культуре каждому из коммуникантов и в каком соотношении они находятся друг относительно друга. Для личностного стиля характерно восприятие себя и собеседника в качестве двух равноправных личностей, наделенных одинаковым статусом. В контекстуальном же стиле каждый из участников, прежде, чем вступить в коммуникацию, должен оценить, какие социальные роли для него предполагает ситуация, и налаживает общение в качестве представителя социальной группы.

Инструментальный и аффективный стили связаны с ценностной нагрузкой различных аспектов общения в различных культурах. Для

представителя инструментального коммуникативного стиля наиболее значимым представляется результат коммуникации: принятое совместно решение, выработанный план действий и так далее. Для представителя аффективного коммуникативного стиля гораздо более ценен сам процесс общения.

Далее мы дадим уточнение данных дихотомических разделений, что даст нам возможность, опираясь на заслуженных исследователей в сфере японской и английской культур, выделить ключевые особенности японоязычного коммуникативного стиля и англоязычного коммуникативного стиля. Затем, описав каждую дихотомию более подробно, согласно нашей задаче, мы выделим четыре категории вежливости в японском и английском языках, соответствующие данным категориям, которые и станут основой краткого знакомства с особенностями передачи культурных ценностей в английской и японской речи в соответствующих рабочих программах.

3.1. Прямой и непрямой стили общения

3.1.1. Проявленность дихотомии «прямой-непрямой» в японской культуре

Прямой стиль общения описывает культуру, в которой говорящий открыто и четко выражает свои цели, желания и намерения. Непрямой стиль, в свою очередь, характеризуется более завуалированным способом обозначения своих намерений.

Прежде, чем мы сможем маркировать японскую коммуникативную культуру как принадлежащую одному из полюсов, нам следует описать, как понимается в данной культуре коммуникация вообще и, в частности, речевой процесс. Тогда как в европейской культуре мы можем наблюдать недоверие к речи, например, по утверждению одного из ведущих лингвистов XX столетия Фердинанда де Соссюра, речь с ее неточностями, паузами, ошибками является лишь попыткой индивидуального воспроизведения структур языка,

который у Соссюра отождествляется с письменной речью. Здесь мы наблюдаем стремление задокументировать самое существенное, выразить их тем способом, который предполагал бы минимум вариаций (научный стиль, канцелярский стиль и т. д.) Точная репрезентация своих целей и ценностей в диалоге — то, на что в дальнейшем будут опираться собеседники, любое же отклонение может привести к нежелательной двусмысленности.

В японской культуре гораздо более ценится интуитивное восприятие традиции, и оно требует неких общеизвестных основ, которые, в силу их общеизвестности, могут стать объектом недоговоренности. По словам А.И. Степанишиной, которая анализировала истоки современной образовательной системы в Японии, даже во время глобальной реформы образования эпохи Мэйдзи (1868-1889г.г.) по образцу США не затронула основные принципы воспитания детей, в частности, прививания им навыков культурного поведения и умения «чувствовать» культурные образцы: «Все японцы убеждены, что наиважнейшей объективной основой образования в начальной и средней школах является обогащение детей «кокоро» (сердце, душа) и в меньшей степени знаниями и умениями»¹. Японская культура рассматривается самими японцами как нечто единое и внутренне непротиворечивое, несмотря на социальную неоднородность общества. Даже в такой тонкой сфере как религия и богословие японские исследователи склонны подводить все к единому основанию — так, Накамура Хадзимэ, повествуя о том, как взаимодействовали религии синто (коренная языческая религия с верой в богов и духов) и буддизм, утверждает, что в народной культуре с самого начала обнаружилась тенденция к нивелированию противоречий этих двух различных по характеру религиозных систем: «...синтоистские божества живут по закону Будды и защищают буддизм... В период Нара (710 — 794 гг) было возведено несколько совместных храмов-

¹ Степанишина А.И. Современная образовательная система в Японии: традиции и тенденции развития. Материалы III Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2000. . С.122.

святилищ, где почитали и Будду, и богов»¹. Тысячелетняя традиция двоеверия, практически не знавшая феномена религиозных войн, стала для японцев той основой культуры повседневности, которая не требует уточнения терминологии и проговаривания вслух собственных убеждений. Так, носитель японской культуры ощущает свою традицию как нечто гомогенное и интуитивно понятное всем окружающим, что находит выражение в специфическом понимании вежливости. В японском языке существует идиома 空気を読む (букв. читать атмосферу), означающая, что человек без слов понимает, как вести себя в определенной ситуации и не задает лишних вопросов окружающим, не беспокоит их. Подводя итог, можно сказать, что коммуникативное поведение японца можно отнести к **непрямому (indirect) стилю**.

Чтобы составить дополнения к современной рабочей программе, формирующих у учащихся полное представление о том, как маркировать свой коммуникативный стиль в качестве непрямого, мы обратились к такому феномену как 挨拶 (**айсацу**). Айсацу часто упрощенно переводят как «устойчивые фразы», и действительно, знакомые каждому начинающему изучать японский язык こんにちは (здравствуйте) и さようなら (до свидания) относятся к айсацу. В действительности же айсацу — это куда более сложное явление. Профессор Т. Судзуки определяет айсацу как часть сложной системы お礼 (о-рэй, церемонии), где кроме вышеупомянутых элементарных формул («здравствуйте», «извините», «спасибо») наличествуют и айсацу более сложного уровня, иногда достигающие размера целого абзаца.

Ритуальность айсацу выражается в четко зафиксированной словесной форме, принадлежащей тому или иному контексту, а их главная функция — выразить понимание контекста беседы и создать гармоничную атмосферу между говорящими. В качестве примера можно привести такие фразы, как:

¹ Гришин Ю.В. Хадзидилис Накамура // Компаративное видение современной философии. СПб., 2009. С.240.

お疲れ様です (о-цукарэ сама дэсу) — букв. «вы устали». Произносится по окончании рабочего дня (или завершения совместной работы вообще), как правило вышестоящим по отношению к нижестоящему;

失礼します (сицурэи симасу) — букв. «я доставляю Вам неприятности». Произносится гостем при пересечении порога дома, хозяева которого — вышестоящие или недостаточно близкие люди.

Все вышесказанное подводит нас к выводу, что преподаватель японского, желающий сформировать у обучающихся навыки владения айсацу, должен делать акцент на важности их употребления, а также прибегать к упражнениям, которые показывали бы айсацу в контексте повседневных ритуалов японской культуры.\

3.1.1. Проявленность дихотомии «прямой-непрямой» в английской культуре

Стараясь выявить, к какому из двух полюсов склоняется английская культура речевого поведения, мы также прибегли к описаниям так называемого национального характера как его понимал В. Фон Гумбольдт: типа «миросозерцания», который заложен в культуре и языке. То, что национальный характер может и должен проявиться в коммуникативном акте, сохраняющем *positive face* всех его участников, подтверждает А.В. Косовцева, которая в самом начале своего исследования о вежливости в понимании англичан, приводит пословицу «*Manners makes man*» («Манеры делают (образ) человека»), иллюстрируя тем самым утверждение, что в британской культуре концепт «вежливости» является не чертой характера, а проявляется в манерах, прежде всего — в беседе. Таким образом, мы видим, что для англичанина вежливость — это проявление уважения к другим людям, которое проявляется в речи.

Чтобы сделать выводы о том, каким образом англичанин проявляет вежливость в речи, нам необходимо было проанализировать наиболее ярко

проявленные экстралингвистические параметры его коммуникативного поведения, и для этого мы обратились к культурным наблюдениям описательного характера, которые бы, эксплицитно или имплицитно, сравнивали поведение англичан и представителей другой, родственной авторам культуры поведения. Здесь мы обратились к вызвавшей множественные споры книге «Эти странные англичане» Энтони Майола и Дэвида Милстэда, которые не побоялись обратиться к наиболее стереотипным представлениям о британской культуре и подвергнуть их анализу, получив, тем самым, немного утрированную, но основанную на достоверных фактах картину. Говоря о проявлениях вежливости в культурно обусловленных практиках, Э. Майол и Д. Милсэд прежде всего обращают внимание на дистанцию как между двумя участниками коммуникативного акта, так и между людьми в целом: «В общественных местах англичане изо всех сил стараются не прикоснуться к незнакомому человеку, даже нечаянно. Если же ненароком такая неприятность все же случилась, следуют самые искренние и пространные извинения, которые, однако, ни в коем случае нельзя использовать для продолжения разговора»¹. Какое же понимание концепта вежливости отражает данное поведение? Оно безусловно говорит о том, что в английской коммуникативной культуре субъект сохраняет свое *positive face* отказываясь от вторжения в личное пространство собеседника. Более подробно о личном пространстве, а именно — о концепте «*privacy*» (личное, частное), мы напишем в следующей главе, а сейчас мы сосредоточимся на том, что данное поведение дает обоим коммуникантам в плане демонстрации вежливости. Обращаясь к работам Н.Л. Грейдиной, в той их части, где рассматривается такой экстралингвистический компонент вежливости, как зрительный контакт (или его отсутствие), мы видим, что этикетное поведение англичан в этом аспекте характеризуется как сдержанное: прямой взгляд в глаза собеседнику является знаком одобрения, но в то же время он должен быть сфокусирован в одной точке, собеседник не

¹ Э. Майол, Д. Милсэд. Эти странные англичане. М.: Эгмонт Россия Лтд, 1999. — 34 с.

имеет права «глазеть» (по выражению автора) на своего партнера. Грейдина толкует эту особенность поведения как естественную для культуры, где запретным является прямая манипуляция как в речи, так и во внеречевом поведении: держать дистанцию необходимо, чтобы не «давить» на собеседника и не произвести впечатление человека, который склонен к принуждению. Подтверждение ее словам мы находим в статье А.В. Радюк, посвященной тому, что в английской культуре воспринимается как манипуляция; здесь приводятся примеры того, что англичанин сочтет коммуникативной стратегией нарушения хода его мыслей, вынуждающей его реагировать вопреки собственной воле, а именно — проговаривание вслух реакций собеседника (ты думаешь, ты чувствуешь) с использованием эмоционально окрашенных метафор: “I’ve information that he’s *bleeding you white*. A high percentage of your bar profit is being *skimmed off*...¹. Такое речевое поведение воспринимается как атака на *face* коммуниканта и, соответственно, маркируется как невежливое; таким образом, мы можем сделать вывод, что в английской лингвокультурной традиции стратегией вежливости является избегание излишней эмоциональной насыщенности речи и выдерживание дистанции, как в экстралингвистическом измерении коммуникативного акта (достаточное физическое расстояние между тобой и собеседником), так и в речевой стратегии (избегание прямого обращения, давления, манипуляции), что позволяет характеризовать данную традицию как относящуюся к **непрямому коммуникативному стилю**.

Чтобы проследить, как данный стиль влияет на выбор конкретного способа реализации вежливой речевой стратегии в речи носителя английского языка и английской же культуры, мы остановились на предположении, что она будет выражена при помощи субъективной оценки пресуппозиции положения собеседника, по градации Н.В. Бондаренко, изложенной в работе «Виды модальных значений и их выражение в языке» — на уровне «possibly», «возможность» (в отличие от других двух уровней:

¹ Archer J. A Matter of Principle // A Quiver Full of Arrows. – London: Pan Books, 2003. – С. 189.

«уверенность», «*certainly*» и «отрицание», «*certainly not*»). В английском языке данная оценка проявляется на лексическом уровне с помощью модальных операторов — глаголов, выражающих определенную степень неуверенности, синтаксических синонимов фразы «я не до конца уверен в...». Такими глаголами являются **часто употребляемые англичанами в речи «suppose» (предполагать) и «think» (думать)**. О том, насколько часто англичанин предваряет свое высказывание фразой *I think* («я думаю, что»), пишут О.В. Смурова и Т.Н. Ларина: в статьях Смуровой это называется эпистемическими гарантиями, т. е. Уверенностью говорящего в истинности своих суждений, которую отказывается демонстрировать представитель английской лингвокультуры, говоря, к примеру: «What goes on there now I don't know for certain, **but I don't suppose** anyone lives nearer to the Mountain than the far edge of the Long Lake nowadays»¹. Ларина, формулируя предпочтительные стратегии речевого поведения в англоязычной коммуникации для носителя русской культуры, напрямую советует выражаться косвенно и избегать категоричности в суждениях: «**I don't think** you are right»².

Таким образом, мы считаем возможным говорить, что **«ключевые слова», в которых бы проявлялась такая характеристика вежливого непрямого речевого стиля английской культуры — это модальные операторы «think» и «suppose», которые употребляются в качестве демонстрации отстраненности говорящего и его желания сохранить positive face, заключающееся в отсутствии манипуляции и давления на собеседника.**

¹ Смурова О. В. Степень уверенности и обоснованность как компоненты значения эпистемических модальных операторов. – М.: Вестник Московского государственного лингвистического университета, 2011. – С. 16.

² Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – С. 186.

3.2. Развернутый и краткий стили общения

3.2.1. Проявленность дихотомии «развернутый-краткий» в японской культуре

Определить, к какому полюсу относится коммуникативное поведение данной нам иноязычной культуры мы можем, оценив ее выразительность и то количество слов\фраз, которое считается нормой для диалогического высказывания. Т.Ларина описывает эту дихотомию так: «многим арабским культурам присущ сложный стиль коммуникации, характеризующийся многословием, использованием богатого, экспрессивного языка... Скупой стиль общения, свойственный многим азиатским культурам, характеризуется частым использованием молчания, пауз»¹.

Кроме цитирования прямого указания на то, что японоязычная коммуникация относится к **краткому (succint) стилю**, здесь, как нам кажется, нужно отдельно проанализировать значение таких речевых приемов как умолчание и пауза в японском повседневном общении. Кроме отсылки к приведенному выше анализу, где нами было доказано, что японская культура относится к так называемым высококонтекстным культурам (термин М.Ю.Лотмана), где завуалированная отсылка к общезначимому контексту уже говорит для собеседника больше, чем четко сформулированное утверждение, мы также можем сослаться на исследование А.Г.Корневой. В нем исследователь противопоставляет значение паузы в разговоре двух европейцев и разговоре двух японцев, и, если в первом случае, молчание будет восприниматься как смысловой вакуум, пустая трата времени, то японец с помощью молчания выразит очень многое, часто — основную цель диалога. Это объясняется тем, что в японской культуре человек обнаруживает себя в пространстве, тесно заполненном культурными образцами и шаблонами, которые в силу воспитания, понятны и ему, и его собеседнику. В

¹ Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009., с. 44.

результате то, что придает смысл беседе, становится объектом 曖昧 (аймай) — замалчивания и недоговоренности. Здесь ценится умение человека в большей степени интуитивно, нежели логически определять «языковую игру» собеседника: какой оттенок он придает тому или иному традиционно заданному высказыванию (к примеру, айсацу). К тому же, это дает возможность продемонстрировать вежливость по отношению к собеседнику, предоставив ему интерпретировать смысл сказанной вами фразы. Так, вежливым считается не прямой отказ от встречи: すみません、用事がありますから、できません (извините, у меня дела, я не могу прийти), а тонкий намек すみません、ちょっと。。。 (простите... у меня тут...), который сопровождается внеречевыми знаками (выражением лица, жестами и т. д.)

Вывод, который мы можем сделать из всего вышесказанного — учащимся следует знакомить с понятием недоговоренности. Это связано с определенными трудностями, ведь для них как для носителей европейской культуры, будет чужда концепция умалчивания о чем-либо, кроме того, усвоение такого сложного понятия как «аймай» будет трудно для учащихся средней школы в силу их возраста. Для частичного снятия этой проблемы нам показалось естественным обратиться к научно-популярной литературе, которая говорила бы о ключевых понятиях японской культуры доступным для широких масс языком. Так, Р.Дэвис, анализируя «аймай» пишет: «Ход (японской) беседы предопределен от начала до конца (...) она односторонняя, как лекция»¹, что и порождает умолчание. Следовательно, анализируя УМК на соответствие ключевым концептам этнокультурного стиля, мы должны проследить наличие знакомства учащихся с речевыми клише этикетной беседы («в магазине», «в кафе» и т. д.) и упражнения на закрепление навыка их употребления.

¹ Davis R., Ikeno O., The Japanese Mind. Jakarta. Periplus Editions, 2005. С. 218.

3.2.2. Проявленность дихотомии «развернутый-краткий» в английской культуре

Оценивая коммуникативный этностиль английской культуры в данном аспекте, мы пришли к выводу, что его также можно определить как **скупой (succinct)**, что легко подтвердить, ссылаясь не только на исследования, но и на многочисленные культурно-исторические примеры, которые сами англичане оценивают как существенные и ключевые для своей нации. Здесь сложно не обратиться к цитате такого известного исторического деятеля, как Уинстон Черчилль, который охарактеризовал одного из своих соотечественников следующим образом: «...он представлял собой характерный британский тип. Выглядел бесстрастным. Говорил немного и то, что он говорил, было туманным...» («...he was a characteristic British personality. He looked solid. He said little and what he said was obscure...»)¹. Далее, чтобы более детально исследовать, какие конкретно культурные ценности стоят за «бесстрастностью» и «скупостью речи», мы обратились к исследователям литературы, которые бы анализировали художественные произведения с точки зрения личной этической оценки автором и читателями представленных в них типажей и типов поведения. Е.С. Коршунова в своей статье «Типичный англичанин как литературный образ» выделяет три основных черты, присущие известным героям английской литературы, которые приобрели популярность в качестве знаковых для британской культуры образов:

1. Сдержанность в эмоциях, умение обуздать свои чувства и не демонстрировать их окружающим. Героями, обладающими этой чертой, являются, как правило, мужчины, занимающие высокое положение в обществе, джентльмены, которые стойко переносят жизненные неурядицы (Майкл Госселин, Пиквик, Форестьер, Дарси);

¹ Данинос П. Англия и Англичане // Афоризмы, мысли, высказывания. [Электронный ресурс]—Режим доступа.—URL: <http://www.aphorism.ru/16.shtml>

2. Стремление добиваться своей цели во что бы то ни стало, умение действовать вопреки обстоятельствам. Коршунова подчеркивает, что, несмотря на негативные стороны данной черты, такие, как жесткость и даже жестокость, персонажи, обладающие ею, любимы англичанами и ценителями английской литературы (Джефферсон Хоуп, доктор Джекил, Ребекка Шарп);

3. Склонность руководствоваться определенным набором предписаний и норм в каждом аспекте своего поведения, консерватизм, традиционализм (Сомс Форсайт, Чарльз Стрикленд).

Итак, выделив **«сдержанность» в качестве одного из ключевых концептов морально-этической концептосферы английской культуры**, мы обратились за подтверждением этой гипотезы к языковому материалу, а именно – к фразеологическому фонду английского языка. И.В. Кононова, чьи работы концентрировались на фразеологизмах, которые репрезентовали отношения человека с образом его «идеального Я», приводит следующую статистику: наибольшей значимостью для британской культуры отличаются следующие морально-этические концептуальные оппозиции: «reserve/restraint – lack of reserve/restraint» (109 ФЕ), «honour – dishonour» (63 ФЕ), «honesty – dishonesty» (57 ФЕ) [источник!]. То, что «restraint» («сдержанность») и в самом деле является ключевым концептом английской культуры, подчеркивается множественность способов фразеологического выражения данного понятия: self-control, self-command, composure и так далее. Дальнейший анализ словарных дефиниций данных лексем показывает, что ядром концепта «restraint» является не просто понимание сдержанности как качества личности, но как усилие воли, которое проявляет человек при наличии раздражающего фактора (например, as firm as a rock «твердый как скала», clear grit «выдержка, твердость характера»), что показывает, что английская этическая концептосфера направлена не на внутреннее состояние и эмоции, а на внешнее поведение и его соответствие прескриптивной норме.

Итак, выведя сдержанность в качестве ключевого концепта английской лингвокультурной традиции, мы задались вопросом, какие компоненты

вежливого речевого акта могли бы отражать данный концепт и претендовать на то, чтобы быть маркированными в качестве «ключевых» по А. Вежбицкой. В поиске ответа на этот вопрос, мы вернулись к разбору понятия «вежливости» в речевом поведении в работах П. Брауна и С. Левинсона, а именно – к разделению понятий «позитивная вежливость» и «негативная вежливость», двух стратегий создания positive face, первая из которых предполагает сокращение дистанции между коммуникантами на основе эмоционального подкрепления, а вторая — ее сохранение, уважение к границам собеседника; обе одинаково важны в процессе коммуникации. Однако как возможно применение стратегии позитивной вежливости в рамках «скупого» коммуникативного этностиля? В.В. Леонтьев выделяет пять способов реализации данной стратегии в речевом акте, а именно:

1. Комплимент
2. Приветствие
3. Благодарность
4. Извинение
5. Похвала

Для исследователя все эти формы объединяет то, что все они являются сознательной демонстрацией эмоций, используемой для демонстрации благожелательности к собеседнику, конкретно же для английской культуры они выражают, прежде всего, «сердечное одобрение» («warm approbation»). Какие же слова и выражения используются для этого в речевом акте? Анализ нескольких пособий по разговорному английскому языку, таких как Spoken English (Purland Matt. Talk a Lot Spoken English Course. English Banana.com Copying Licence, 2011), Understanding Spoken English (Boyer Susan. Understanding Spoken English: A Focus on Everyday Language in Context. Boyer Educational Resources, 2003) и Real Listening and Speaking (Logan Sally, Thaine Craig. Real Listening and Speaking. Cambridge University Press, 2008) в темах, посвященных повседневному общению предлагают обучающимся практику позитивного реагирования на сообщаемую им новость: так, на сообщение о

том, что ваш собеседник хорошо провел время на выходных, УМК Real Listening and Speaking предлагает использовать фразу «That's nice», а уже после этого переходить к рассказу о себе, так как отсутствие реакции будет оценено как эмоциональная невовлеченность в разговор («not being emotionally involved»). Характерно то, что фразы предлагается использовать короткие и сдержанные, избегать прилагательного «очень» (very) и слов с сильной эмотивной коннотацией (brilliant, fascinating). **В целом, можно прийти к выводу, что в английской лингвокультуре «позитивная вежливость» манифестирует себя через фразы, содержащие эмотивное подкрепления, которые, несмотря на их эмоциональную насыщенность, представляют собой сдержанные в семантическом плане высказывания («that's nice», «that's fine», «good» и так далее).** Наличие данного дискурса в популярных в России УМК мы и будем рассматривать в следующей главе.

3.3. Личностный и контекстуальный стили общения

3.3.1. Проявленность дихотомии «личностный-контекстуальный» в японской культуре

В данной дихотомии анализируется то, как проявляется понимание говорящим собственной идентичности. Личностный, или личностно-ориентированный стиль характерен для индивидуалистических культур, где в центре внимания находится индивид. Контекстуальный или формальный стиль предполагает акцент на социальной роли говорящего и его статусе.

Чтобы прояснить языковые основания японской «самости», попытаемся разобраться с японским словом «человек» (или же «люди», так как в японском языке практически отсутствует отдельная форма для множественного числа) – 人間 (нингэн). Оно записывается двумя иероглифами: «человек» и «между, среди, в окружении чего-либо». В семантическом поле «нингэн» можно выделить три значения (как это делал Е.С.Штейнер). Первое — человеческое существо, находящееся в

пространстве других людей и материальных объектов; второе — группа людей, пребывающих в социальной взаимосвязи; третье — человечество как форма взаимодействия человека с человеком. Налицо особенность идентификации человеческой личности в японской традиции: человек неотделим от другого человека так же, как он неотделим от социальной группы, к которой он принадлежит, и социума в целом. Личность актуализируется, проявляясь через других. Для обозначения понятия «я» и «мы» в противоположность другим японцы используют иероглиф 我 (варэ). Он состоит из двух графем — 手 (рука) и 戈 (копье). Человеческое «я» здесь преподносится как функция — боевая единица, один из тех, кто сражается на нашей стороне. Слово «личность» - 身分 (мибун) или 自分 (дзибун) — также имеет оттенок указания на происхождение или социальное положение. Иероглиф 分 (бун) буквально переводится как «часть чего-то целого», а в японоведении под этим словом понимают общность людей, объединенных социальным статусом. Принадлежность к «бун» в японской коммуникативной культуре определяет личность говорящего и предопределяет его стиль общения как **контекстуальный**.

Объяснение специфики контекстуального характера коммуникативного стиля японского языка на первый взгляд не представляется проблемным. Формы вежливости в японском языке выражаются в первую очередь грамматически, и эта тема, как правило, тесно связана с изучением различных форм глаголов. Знакомство с такими грамматическими категориями как глаголы くだる、あげる、くれる и もらう (*агэру, курэру, морау*), которые В.М.Алпатов объединяет под термином «категории направленности действия», составляет большую часть начального этапа обучения. В процессе ученикам объясняется, что все эти глаголы, которые на русский можно условно перевести как «получать», определяют направленность действия с точки зрения социально-общественных позиций коммуникантов (высший — низший, низший — высший, равный — равный и

так далее). Самые популярные в России УМК по японскому языку, такие как *みんなの日本語*, Genki и MARUGOTO (обложки данных изданий приведены в приложении 1), составлены так, что первые свои фразы ученик произносит, используя «равный - равный» форму на *くだる* — *ペンをください* (*нэн о кудасай*, «дай, пожалуйста, ручку»), а уже затем знакомится с формами *высший* — *низший* и *низший* — *высший*, например *ペンを渡せてもらえませんか?* (*нэн о ватасэтэ мораэмасэн ка*, условно можно перевести как «не соблаговолите ли передать мне ручку»). Как нам кажется, в этом случае преподавателю скорее необходимо разъяснить, что категория направленности действия не равна дихотомии вежливости — грубости, характерной для европейской культуры речи и показать, какие социальные отношения стоят за этой категорией.

Опорной гипотезой нам представляется здесь схема, обрисованная В.М. Алпатовым, где говорится, что употребление адрессива определяется отношением говорящего к собеседнику, выраженные в триаде «высший-равный-низший», и по отношению к «высшим» используются более вежливые формы, чем по отношению к «равным», а по отношению к «равным» - более вежливые, чем к «низшим». Кроме того, именно у Алпатова мы встречаем информацию о том, что в этой триаде отражается «не реальная классовая структура общества, а представления о ней в сознании говорящих»¹, и это также очень важно донести до учащихся, чтобы предупредить возможную негативную реакцию на вынужденную формализацию отношений в процессе урока. В этой теме следует дать такие упражнения, которые отражали бы непостоянство характеристик говорящего в коммуникативной схеме общения японского языка, показали бы важность психологического фактора, как в ситуации просьбы, которая создает отношения неравенства между говорящими, не основанные на их социальном положении, поле и возрасте.

¹ Алпатов В.М. Япония. Язык и культура. Альманах. — М.: Муравей, 2002. С. 24.

3.3.2. Проявленность дихотомии «личностный-контекстуальный» в английской культуре

Английскую культуру мы можем с полной уверенностью определить как личностно-ориентированную, не рискуя показать, что опираемся на стереотипы, распространенные в мире об Англии и англичанах (которые, как стоит заметить, подтверждаются самими англичанами — так, Фокс Кейт в своем нашумевшем исследовании «Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения», открыто говорит о склонности своих соотечественников к уединенности и закрытому образу жизни). Для этого мы, как оговаривалось ранее, прибегаем к анализу лексической составляющей языка, которая отражает отношение англичан к дистанции между участниками акта коммуникации — и сразу же встречаемся с понятием, концептуальное значение которого семантический анализ в дальнейшем подтверждает: с понятием (и концептом) **privacy**.

То, что данное явление непереводимо в полной мере на русский язык, демонстрирует Оксфордский словарь, где слово «privacy» определяется как «быть в одиночестве, когда тебя никто не тревожит; иметь право на данное состояние, быть защищенным от вторжения и публичного внимания» (в оригинале: «being alone and undisturbed: the right to this freedom from intrusion or public attention» - Oxford University Dictionary 2002), что не в полной мере соответствует самому частотному русскому переводу - «уединение», «уединенность», и мы можем наблюдать за тем, как различные исследователи данной проблемы предлагают свои толкования концепта «privacy» - как, например, Т.В. Ларина с ее наиболее прижившимся вариантом «автономия личности».

Второй момент, на который мы посчитали необходимым обратить внимание — это различное понимание «privacy» в англоязычных культурах, а именно в британской и американской, что позволило нам в дальнейшем утверждать строгую культурную привязку данного концепта. Ссылаясь на

работу Уолтера Ф. Пратта «Privacy in Britain», которая изучает понимание «privacy» в юридической практике Великобритании и США мы видим, что во всех сферах общения, включая даже столь строго регламентированную сферу права, мы видим различное понимание данного концепта для носителей этих двух культур: тогда как для американца, по утверждению Пратта, «privacy» - это скорее материальная собственность, имущество или жилье, которому можно нанести ущерб («The United States, first through its courts and later through its legislatures has developed legal sanctions against the invasion of privacy» [источник!]), британская судебная система трактует это понятие в полном соответствии с приведенным выше толкованием Т.В. Лариной — как состояние свободы от вторжения в частную жизнь («...securing to the individual what Judge Cooley calls «the right to be alone» [источник!]). Итак, удостоверившись, что для представителей разных культур, которые говорят, однако, на одном языке, понятие «privacy» различно, мы получаем право утверждать, что это — концепт исключительно английской, а не англоязычной культуры в общем.

И, в-третьих, чтобы окончательно исключить ошибку в выборе концепта, мы проанализировали фразеологическую значимость слова «privacy» в английском языке, чтобы увидеть, какие семантические связи оно образует. Мы обнаружили, что данное слово обладает богатством метафорических значений и широтой сочетаемости, т.е. помогает образовывать множественные фразеологические обороты: исследователь О.Г. Прохвачева выделяет до 18 типов действий связанных с понятием «privacy», начиная от негативно оцениваемых типа «попытка получить персональную информацию о ком-либо» (например, выражения *worm oneself into somebody's privacy*) и заканчивая позитивными навроде «сохранения своих прав относительно чего либо» (например, *be a master in someone's privacy*)¹. Также мы обратились к семантической проявленности понятия «privacy» в

¹ Прохвачева О. Г. Приватность / О. Г. Прохвачева // Антология концептов / под ред.: В. И. Карасика, И. А. Стернина. – М. : Гнозис, 2007. – С. 142-155.

пословицах и поговорках, так как они давно признаны языковедами одним из наиболее богатых источников изучения культуры — например, Л.Самовар сравнивал пословицы с монографиями по культурным ценностям. Мы обнаружили, что пласт пословиц и поговорок, концентрирующихся вокруг понятия «автономность», «границы личности» весьма широк — к примеру, «The Book of Proverbs» авторства Брюса К. Вальтке насчитывает около 200 примеров, включая такие часто употребляемые в повседневной речи, как *an Englishman's home is his castle* («дом англичанина — его замок»), *good fences make good neighbors* («крепкий забор — хорошее соседство») и так далее.

Итак, мы сумели доказать, что «privacy» является одним из существенных концептов, отражающим такой аспект вежливости в английской культуре, как личностная ориентированность, соответственно, далее нам надо было определить, какие конкретно слова являются ключевыми словами, выражающими этот концепт в речи. Для этого мы обратились к исследованиям, которые ставили своей целью проанализировать, какие слова и фразы использует носитель английской культуры, чтобы соблюсти «privacy» собеседника и показать, что коммуникант соблюдают дистанцию в разговоре. Наибольшей информативностью, на наш взгляд, обладало исследование Джейн Томас, в котором автономия субъекта в акте коммуникации объяснялась через такие понятия, как «эксплицитный перформатив» и «имплицитный перформатив»: эксплицитный выражает прямой способ выражения интенции разговора (*я хочу, чтобы ты/я советую/я приглашаю* и так далее), а имплицитный — косвенную просьбу (*ты не мог бы/я не знаю, можешь ли ты...*). Тщательно изучив примеры, мы увидели, что имплицитный перформатив, характерный для английской коммуникативной культуры, большей частью выражен при помощи **модальных конструкций с глаголами would и could**: *would you mind moving your car, please?* (Вы не могли бы убрать машину, пожалуйста?), *could you lend me this electric drill?* (Вы не могли бы одолжить мне дрель?) и так далее [источник!]. Подобного рода построение просьб указывает, что коммуникант

не нарушает зону личной автономии партнера и не создает угрозу его face. Дж. Лич указывает на содержащийся в модальных глаголах аспект «возможности» (possibility), который показывает, что адресату высказывания предоставляется свобода выбора даже в том случае, когда просьба имплицитно содержит императив, как, например, в случае использования *would* в ситуации указания учителя, данного ученику: *would you read this paragraph?* («вы не могли бы прочитать этот параграф?»). Т.В. Ларина отмечает сходство данного способа выражения имплицитных просьб в английском и русском языках («вы не могли бы передать мне соль?»), но указывает, что в русском коммуникативном стиле такого вида просьбы скорее характерны для сферы формального общения, тогда как для англичанина будет уместным сформировать свой запрос имплицитно будет уместно в любой ситуации.

Итак, мы можем подвести итоги, сказав, что коммуникативный этностиль английской культуры является личностно-ориентированным, что показывает значимость понятия *privacy*, которое мы определили, как ее ключевой концепт. Ключевыми словами, отражающими данный концепт в вежливом коммуникативном акте, являются модальные глаголы *would* и *could*. Правильность употребления данных глаголов в разделах российских УМК, посвященных вежливости в английском языке мы и будем анализировать далее.

3.4. Инструментальный и аффективный стили общения

3.4.1. Проявленность дихотомии «инструментальный-аффективный» в японской культуре

Данная дифференциация связана с общения. Инструментальный стиль характеризуется подчиненностью всех сторон речевого взаимодействия конкретной цели общения и ориентирован на адресанта послания; аффективный стиль ориентирован на процесс общения и адресата послания.

Говоря о предыдущих категориях, описывающих особенности различных этнических стилей, мы много раз упоминали о том, как насыщен коммуникационный контекст в общении японцев. Данный факт объясняет также и единодушие сторонних наблюдателей-иностранцев в их оценках повседневного речевого поведения японцев: «невероятная учтивость», «потрясающая вежливость» и так далее. «Легкий кивок, который остался в нашем быту единственным напоминанием о давно отживших поклонах, в Японии как бы заменяет собой знак препинания»¹. Многочисленность и сложность ритуалов общения в японской культуре объясняется постоянным обращением к контексту разговора, культурному образцу, и это приводит к тому, что ритуал воспроизводится с максимальной частотой и в нем не допускается каких-либо отклонений. Однако ошибочным было бы приписывать японскому ритуализму шаблонность, ригидность и отсутствие живых человеческих эмоций. Японский ритуал диалогичен, он устроен так, чтобы собеседники чувствовали друг друга, - данная особенность была описана у Л.Ермаковой в ее исследовании стихотворных жанров. Она отмечает, что поэзия рэнга, родоначальник жанров танка и хайку, родилась в качестве стихотворных цепочек, создаваемых группой поэтов по очереди; танка также, в свою очередь, предполагала коммуникативный акт обмена стихотворениями. Изначальная ориентированность на диалог и желание делают ритуал эмоционально насыщенным. З.Перссон, говоря об устойчивых выражениях «айсацу», приписывает им также и «поэтические и креативные функции», ведь обмен ими «усиливает чувство единства и солидарности между людьми»². Ведущими принципами ритуализированной коммуникации здесь являются «татэмаэ» - чувствительность к потребностям другого и «хоннэ» - уважение к дистанции между вами. Таким образом, фразы-клише, в понимании японца, служат созданию комфортной атмосферы разговора и являются способом заботы о чувствах собеседника, что **маркирует**

¹ Овчинников. В.В. Сакура и дуб. М.: Дрофа, 2005. С. 343.

² Person L. The Complexity of Aisatsu. Stockholm, Lund University 2012. С. 17.

японскую коммуникативную культуру как аффективную.

Способов проявление внимания к потребностям собеседника в речевом поведении японцев очень много, кроме того, они зачастую сложны для запоминания и восприятия иностранцами (как, например, обычай предлагать гостю определенный тип еды, что является завуалированным намеком на желание хозяев окончить прием). Этим можно объяснить, что практически все УМК по японскому языку не затрагивают данную тематику. Однако, в 2013 году УМК MARUGOTO ввел новый для сферы изучения японского языка формат *speaking activities*, позволяющий даже начинающим не только составлять простые высказывания по данному в учебнике шаблону, но также и активно участвовать в диалогах и полилогах, употребляя «айдзути». **Айдзути (相槌)** — это тип фатического выражения (*phatic expression*), которое говорит о внимании слушателей к говорящему, демонстрация интереса и внимания. Айдзути могут принимать форму междометий, слов, а также кратких предложений:

ええ (ээ) — да, так, угу;

なるほど (наруходо) — действительно;

そうですか (со: дэсу ка) — вот как?

Будучи простыми по своей структуре, айдзути легко запоминаются, а их употребление превращает фронтальную работу с одним учеником в групповую работу. Выполняют они также и свою основную цель: поддерживают атмосферу доброжелательности в учебном коллективе.

3.4.1. Проявленность дихотомии «инструментальный-аффективный» в английской культуре

Для того, чтобы в свою очередь классифицировать английский лингвокультурный стиль в рамках данной дихотомии, мы продолжим обращаться к экстралингвистическим факторам речевого поведения англичанина, как уже делали это в предыдущих частях, а именно продолжим

анализировать манифестацию концепта *privacy* в качестве неотъемлемой характеристики *positive face* в понимании англичан.

Если в первой части мы рассматривали такой способ вышеупомянутой манифестации как физическую дистанцию между коммуникантами, нехарактерную для русской культуры, а потому привлекающей внимание исследователя, то в четвертой части мы сфокусировались на других внелингвистических факторах, таких, как **жестикаляция, выражение лица, поза** и так далее, где мы снова обнаружили множество отличий от привычного нам поведения, которые также логически вытекали из концепта *privacy*. Ограниченная жестикаляция и скупая мимика в английской культуре являются синонимом сдержанности, что, как мы уже прояснили в прошлых разделах, является положительной характеристикой коммуникативной стратегии: сдержанность означает, с одной стороны, отсутствие угрозы *privacy* (основного компонента *positive face* носителя английской культуры) собеседника, а с другой стороны — является демонстрацией умения подчинять эмоции силе воли и готовности подчиняться внешним требованиям, что опять же является основной чертой *positive face* в исследуемой нами лингвокультуре. Данные компоненты речевой стратегии новы для исследователя — носителя русской культуры, особенно в том, что касается такого экстралингвистического сигнала расположения, как улыбка. С.Г. Тер-Минасова, которая определяла улыбку как «формальный знак культуры», который показывает отсутствие агрессивных намерений, различала значение данных знаков в русской и английской культуре следующим образом: для первой, по ее словам, характерен был подтекст демонстрации открытости, искренней радости, а для второй — формальность обязательного коммуникативного сигнала для начала социального взаимодействия. В качестве иллюстрации к своему утверждению она приводила ситуации неудачного межкультурного взаимодействия, когда одному из коммуникантов (носителю русской культуры) улыбка другого (носителя английской культуры) казалась холодной и неискренней. Об этом

говорит и А. Перри (A. Perry) в своих очерках «Twelve stories of Russia» («Двенадцать историй о России»), где дает шутливый совет иностранцу «Никогда не улыбаться», т. е. не использовать формальную улыбку для установления контакта, чтобы не быть воспринятым «деревенским дурачком, сумасшедшим»¹. Также показательной для Тер-Минасовой оказывается английская поговорка «A smile opens many doors» («Улыбка открывает множество дверей»), в которой она видит подчеркивание утилитарного значения улыбки. Н.Л. Грейдина также подчеркивает, что формальная улыбка в английской лингвокультуре сопровождается, как правило, отсутствием прямого зрительного контакта и означает **отсутствие самораскрытия перед собеседником, что, по нашему мнению, является признаком инструментального стиля общения.**

Чтобы выявить, как признаки инструментальности английского коммуникативного стиля проявляются в речи, мы решили обратить внимание на связанную с описанным нами выше экстралингвистическим фактором улыбки коммуникативную стратегию начала коммуникативного акта, характерную для английской лингвокультуры. Опираясь на работу С. Смит, мы обозначили, что речевой акт зачастую берет начало с привлечения внимания потенциального адресанта коммуникации, которое актуализируется в так называемой «формуле обращения» - речевом клише, которое служит маркером начала вышеуказанного действия. Сравнивая формулы обращения русской и английской коммуникативной культуры, С. Смит приходит к выводу, что их содержание зависит от социальных взаимоотношений, характерных для определенной культуры, например, для русской культуры, в которой можно наблюдать отсутствие дистанции между коммуникантами и эмоциональную насыщенность речи, будут возможны такие формы обращения, как «сынок», «дочка», «тетя», «дядя», которые показывают, насколько инициатор беседы заинтересован в сокращении социально-психологической дистанции, а следовательно, и в большей аффективности

¹ Perry A. J. Twelve Stories of Russia: A Novel, I Guess. Moscow: Glas Publishing, 2001. - С. 13.

речевого акта. Напротив, для английской, «прагматической», по определению Смит, культуры наиболее частотными будут **обращения, которые четко маркируют социальные позиции коммуникантов друг относительно друга, а именно «sir» и «madam»** («господин, сэр» и «госпожа, мадам»; Смит называет их «неименными»). Так, студент, обращаясь к преподавателю, говорит: «Sir, may I ask you a question» («Сэр, могу я задать вам вопрос?»), а случайный прохожий, увидев, что женщина на улице обронила некую вещь, привлечет ее внимание фразой: «Is it yours, madam?» (Это ваше, мадам?)¹. Согласно Смит, оба адресанта тем самым обозначают формальный характер коммуникации, настраиваются на прагматический лад и обозначают дистанцию между собой и собеседником — иными словами, демонстрируют *positive face* англосаксонской лингвокультуры. Таким образом, мы определили формулы обращения sir и madam в качестве ключевых слов, показывающих, что английская культура тяготеет к инструментальному типу общения, и в дальнейшем работали над подтверждением или опровержением данного вывода.

¹ Смит Сара, Ларина Т. В. Обращение в английской коммуникативной культуре (в сопоставлении с русской). Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. М., 2003. - С. 5.

ГЛАВА 4. ПРАКТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ. ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСПРИЯТИЯ «КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ» В ЯПОНСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРАХ

Ранее мы выдвинули гипотезу о том, что такой параметр как «вежливость» речевого поведения коммуниканта может быть описан и измерен с лингвистической точки зрения: опираясь на теории интеракционной лингвистики, а затем — компаративистики, мы доказали, что понимание вежливости в культуре коренится в представлении о «positive face» - коммуникативной самопрезентации, которая в конкретной речевой ситуации создавала и закрепляла бы у коммуникантов положительный образ себя и собеседника, что создавало бы положительный настрой и непосредственно влияло на коммуникативный успех участников речевой ситуации. Мы предположили, что основные черты «positive face» различных культур, а именно английской и японской можно сформулировать, опираясь на четыре основные характеристики коммуникативного этностиля по Г. Триандису (прямота-косвенность, сложность - краткость; личностная направленность - контекстуальная направленность; инструментальность — аффективность), а затем проследить, как данные характеристики проявляются на речевом уровне, и что, согласно теории Вержбицкой, семантические конструкции, репрезентующие данные характеристики будут являться так называемыми «ключевыми словами» данной культуры, а их знание и употребление в речи может стать основой коммуникативного успеха участника речевой ситуации.

Чтобы проверить данную гипотезу, мы прибегли к методу, исследующему проблемы речевого воздействия, которое связано с изучением различных аспектов понимания механизмов и закономерностей этого процесса, который бы учитывал взаимосвязь когнитивного восприятия лингвистических и экстралингвистических факторов речевого поведения и эмоциональной реакции на них, составляющей основу «positive face»

коммуникантов. Взяв за основу на работы А. И. Новикова и Н. П. Пешковой, мы обратились к гипотезе «встречного текста», которая гласит, что понимание любого сообщения представляет собой процесс продуцирования в сознании реципиента внутреннего текста в ответ на воздействие поступающей информации. Методика «встречного текста» была разработана А. И. Новиковым в качестве одного из способов исследования процесса восприятия текста при изучении особенностей понимания художественных и научно-популярных текстов, а Н. П. Пешкова – научных и научно-популярных текстов. В основе метода лежит гипотеза об активной роли реципиента, сознание которого не просто «проецирует на себя» содержание воспринимаемого текста, но на протяжении всего процесса понимания порождает свой собственный «встречный текст». А. И. Новиков предположил, что «встречный текст» адресата может содержать материал, позволяющий судить более полно и точно о внутренней стороне процесса восприятия сообщения, отражать общие и частные закономерности понимания, проявляющие себя в реакциях испытуемых. Н.П. Пешкова уточняла при этом, что вербализованные реакции, помимо опосредованных данных о механизмах понимания, дают также обширную информацию о самих авторах «встречных текстов», об их национально-культурной принадлежности, социальном статусе и даже гендерной принадлежности, что позволило нам применить данную методику к нашему исследованию. Мы предположили, что, предоставив реципиентам-представителям интересующих нас культур текст, состоящий из реплик участников речевой ситуации, предполагающей демонстрацию характерных для данных культур аспектов «positive face» и, соответственно, употребление «ключевых слов», то мы сможем сделать выводы как о правомерности наших предположений о классификации английской и японской лингвокультур, так и о том, насколько точно их характерные особенности репрезентованы в учебниках, рассчитанных на русскоязычную аудиторию.

Согласно оригинальной методике, описанной в работах А. И. Новикова

и Н. П. Пешковой процесс анализа порождения «встречного текста» заключается в том, что реципиент, читая данный ему исследователем текст предложение за предложением, не забегая вперед, записывает по каждому из них все, что возникает в его сознании непосредственно после восприятия конкретного предложения. Это ассоциации и оценки, отношение к информации, мнение и суждение, визуальные образы и так далее. Учитывая специфику нашей работы, мы предположили, что при знакомстве исключительно с речевой составляющей ситуации, реципиент получил бы неполное представление о ней, а следовательно, образ, возникший в его сознании, может не совпасть с предполагаемой реальной ситуации взаимодействия, так как, и это подчеркивалось нами ранее, экстралингвистические факторы, такие как обстановка, возрастные, гендерные и прочие социальные характеристики участников речевой ситуации также крайне важны для демонстрации «positive face» в конкретной лингвистической культуре, и их отсутствие вызвало бы у реципиента недопонимание. Таким образом, мы пришли к выводу, что каждой ситуации необходимо задать контекст, и самым простым способом сделать это стало нахождение таких текстов, которые сопровождалось бы иллюстрациями, отчетливо показывающими, кто является коммуникантами (на иллюстрациях можно без труда различить пол и примерный возраст людей) и каков контекст речевой ситуации (имеется подробно или же схематично прорисованная обстановка: офис, улица, дом). Итак, в конечном итоге каждая из двух анкет включала в себя четыре пункта соответственно четырем характеристикам коммуникативного этностиля по Г. Триандису, где были представлены короткие тексты, из которых были изъяты «ключевые слова», наличие которых в реакции мы проверяли, сопровождаемые иллюстрациями. Данные тексты были взяты из учебников, а конкретно – из упражнений на развитие коммуникативной компетенции, где бы предполагался лингвокультурный подход к отработке речевых ситуаций, то есть обоюдной вежливости собеседников и сохранению позитивной атмосферы общения (сохранению

«positive face») уделялось бы не меньшее внимание, чем реализации коммуникативной интенции говорящих (узнать информацию, добиться положительного ответа и так далее).

В соответствии с нашей целью мы выбрали из обширного списка учебников, рассчитанных как в целом на изучающих английский и японский язык иностранцев, так и конкретно на русскоязычную аудиторию, для чего обратились к статистике таких сайтов, как посвященный изучению всех языков мира [Fluentu.com](http://www.fluentu.com) (первая позиция по запросу в Google) и [Goodreads.com](http://www.goodreads.com), посвященный книгам в целом. Ознакомившись с представленной там информацией¹, мы выбрали в качестве источника материала такие пособия, как *Real Listening and Speaking* (Real Listening and Speaking, Craven Miles. – Cambridge University Press, 2008), *Genki* (Genki. An integrated course in elementary Japanese. Eri Banno, Yoko Ikeda, Yutaka Ohno, Chikako Shinagawa, Kyoko Tokashiki. 2nd edition. — The Japan Times, 2011), *Minna no Nihongo* (Minna no Nihongo. 3A Corporation 2012) и *Marugoto* (Marugoto: Japanese language and culture Starter A1 Coursebook for communicative language competences - Japanese Language Study Book. Japan Foundation 2013). В них мы нашли примеры заданий на диалогическую речь с иллюстрациями, которые, согласно нашим выводам в предыдущей главе, демонстрировали ведущие аспекты концепта вежливости в английской и японской лингвокультуре и содержали бы «ключевые слова», соответствующие данным аспектам, и исключили их из текста с тем, чтобы затем сравнить данные в тексте слова и фразы с догадками реципиентов — носителей культуры и сделать выводы о правомерности нашей классификации английской и японской лингвокультур. «Встречным текстом», содержание которого мы планировали анализировать, должна была стать зафиксированная реципиентами эмоциональная реакция на ситуацию,

¹<http://www.fluentu.com/blog/japanese/best-books-to-learn-japanese/>,
https://www.goodreads.com/list/show/4530.Best_Japanese_Learning_Textbooks,
<http://www.fluentu.com/blog/educator-english/best-esl-textbooks-adults-children-students/>,
<https://www.goodreads.com/shelf/show/english-learning>

представленную в тексте задания, и тип этой реакции, а так же ее содержание (негативное или позитивное), должны были стать основой для наших будущих выводов о том, действительно ли данные учебные пособия помогают формированию понимания особенностей содержания «positive face» английской и японской культуры. По нашим предположениям, участники эксперимента должны были достаточно близко к оригиналу воспроизвести утраченные части текста и оценить ситуацию в целом как положительно эмоционально заряженную, что свидетельствовало бы о правильности нашего анализа особенностей лингвокультурного содержания концепта «вежливости» в английской и японской культурах.

В данном случае в качестве испытуемых в эксперименте приняли участие 20 человек — активных пользователей международного форума LinQ.com (<https://www.lingq.com/ru/forum/open-forum/>), посвященного изучению языков и активному общению между носителями языка и изучающими язык, мужчин и женщин в возрасте от 18 до 30 лет, представившиеся носителями британского английского (10 человек) и японского (10 человек языков). На данный момент тред с комментариями участников был удален модератором как исчерпавший себя, но нами были сохранены его скриншоты, вместе с переводом текста на русский язык представленные в Приложении 3 и Приложении 4. Испытуемым были предложены отрывки текста с иллюстрациями. Задание было сформулировано следующим образом: «Дорогие друзья! Сегодня я хотела бы попросить вашей помощи в моем исследовании, посвященном сравнению различных аспектов разговорного языка. Это не займет у вас много времени, но очень поможет развитию методологии изучения иностранного языка в моей стране. Все, что вам нужно — это сделать следующее:

1. Назвать ваш возраст, пол и национальность;
2. Ознакомиться с четырьмя иллюстрациями и сопровождающим их текстом, в котором есть пропуски. Пожалуйста, выскажите свое предположение о том, что должно быть на месте пропуска;

3. Расскажите, какие чувства и мысли вызывает у вас данная ситуация.

Спасибо!»

Оригинальные тексты на японском и английском языках, представленные на форуме, приведены в Приложении №1 и №2. Также мы посчитали нужным указать, что они оба как и приведенный здесь перевод не дублируют друг друга дословно по причине различий в стилистике и лексической сочетаемости во всех трех языках.

Тексты для анализа в японоязычной версии:

1. Анализ соответствия аспекту «непрямой стиль», ключевые слова - айсацу. Ситуация: раннее утро. На первой иллюстрации изображены мать с ребенком, на второй — профессор и студентка. Ребенок приветствует маму просторечным «おはよう» («Утро!») студентка профессора — вежливым «おはようございます» («Доброе утро!»).

2. Анализ соответствия аспекту «краткий стиль», ключевые слова - аймай. Ситуация: полдень, офисное помещение. На иллюстрации изображены двое мужчин, один из которых предлагает другому пойти вместе на обед. Текст: «もう12時ですよ。昼ご飯を食べませんか・・・» («Уже 12 часов. Не пойти ли нам пообедать...»), используется нейтрально-вежливый стиль.

3. Анализ соответствия аспекту «контекстуальный стиль», ключевые слова — различные грамматически выраженные формы вежливости глагола. Ситуация: офисное помещение. На иллюстрации изображены мужчина-подчиненный, который обращается к своей начальнице с просьбой отправить его на курсы японского языка. Текст: «会社の費用でこの学校へ行かせていただきたいんですが...» («Прошу, не могли бы вы, пожалуйста, отпустить меня на обучение в этой школе за счет компании...»), используется максимально вежливый стиль, близкий к кэйго.

4. Анализ соответствия аспекту «аффективный стиль», ключевые слова - айдзути. Ситуация: повседневная беседа. На иллюстрации изображены

двое женщин, одна из которых демонстрирует другой фотоальбом с фотографиями своего ребенка. Текст: «可愛いですね» («Милый, верно?»), используется просторечный стиль.

Тексты для анализа в англоязычной версии:

1. Анализ соответствия аспекту «непрямой стиль», ключевые слова — модальные операторы. Ситуация: научная конференция. На иллюстрации изображены слушающие, обсуждающие содержание лекции. Текст: «Did you enjoy the talk? – Yes, **I think** it was good» («Тебе понравилась лекция – Да, я думаю, она была хорошей»).

2. Анализ соответствия аспекту «личный стиль», ключевые слова — модальные конструкции с глаголами *would* и *could*. Ситуация: университетская аудитория. На иллюстрации несколько студентов, один из которых делает доклад, а другие задают ему вопросы. Текст: «**Would you** go into more detail, please» («Не могли бы вы, пожалуйста, объяснить это более детально»).

3. Анализ соответствия аспекту «краткий стиль», ключевые слова — эмотивные высказывания. Ситуация: дружеская беседа. На иллюстрации изображены женщина, которая рассказывает о недавно прочитанной книге и мужчина, демонстрирующий реакцию на ее слова и побуждающий ее продолжать. Текст: «**That's nice**. What book did you read? » («Замечательно. Какую книгу ты прочла?»).

4. Анализ соответствия аспекту «инструментальный стиль», ключевые слова — обращения, маркирующие социальные позиции коммуникантов. Ситуация: приемная в частной клинике. На иллюстрации изображена женщина, принимающая звонки пациентов. Текст: «Hello, **sir**. Doctor Park's surgery.» («Здравствуйте, сэр. Это хирургическое отделение доктора Парка»).

В процессе интерпретации полученных данных нами была проанализирована 20 реакций, где мы рассматривали сначала варианты восстановления утраченной части текста реципиентами, сравнивая их с оригиналом, а затем — продуцированные ими «вторичные тексты»,

основанные на эмоциональной реакции. Следуя оригинальной методике, мы рассматривали реакции по пятнадцати видам, выделенным А. И. Новиковым, это ассоциация, вывод, визуализация, генерализация, интертекст, инфиксация, констатация, мнение, ориентировка, оценка, перевод, предположение, прогноз, перефразирование, свободный ответ. Мы получили числовые показатели для каждого вида из этих реакций, характеризующие количественное (для восстановленного текста) и процентное (для вторичного текста) соотношение их частоты среди всех имеющихся реакций. Распределение ответов представлено в Таблицах 1, 2, 3 и 4.

Таблица 1.

Восстановленный текст. Японоязычная версия.

| Вопрос | Варианты ответа | Количество |
|--------|--|------------|
| 1 | 1. おはよう / おはようございます (Утро!/Доброе утро!) | 4 |
| | 2. おはよう / おはよう (Утро!/Утро!) | 3 |
| | 3. おはようございます / おはようございます (Доброе утро!/Доброе утро!) | 2 |
| | 4. おっは / おはよう (Утречко!/Утро!) | 1 |
| 2 | 1. 昼ご飯なんて・・・ (Знаешь, обед...) | 3 |
| | 2. 昼ごはん食べようか。(Может, поедим?) | 2 |
| | 3. ご飯食べない? (Пообедаем?) | 2 |
| | 4. ええええと 昼ご飯・・・ (Тут, знаешь...) | 1 |
| | 5. ちょっとおなかがすいて・・・ (Знаешь, я проголодался...) | 1 |
| | 6. ご飯を食べませんか (Не поесть ли нам?..) | 1 |
| 3 | 1. 行かせていただきたいんですが... | 4 |
| | | 3 |

| | | |
|---|--|---|
| | 2. 行かせてくださいますか。 | 1 |
| | 3. 行かせていただけませんか。 | 1 |
| | 4. 行かせてもらえませんか。(«Не могли бы вы, пожалуйста, позволить мне пойти...» разных степеней вежливости) | |
| 4 | 1. かわいいですね。(Милый, не правда ли?) | 3 |
| | 2. かわいいね。(Милый, так?) | 3 |
| | 3. いい子ね。(Хороший ребенок, правда?) | 2 |
| | 4. いいね。(Хороший, так?) | 1 |
| | 5. いいですね。(Он хороший, не правда ли) | 1 |

Таблица 2.

Вторичный текст. Японоязычная версия.

| Реакция | % |
|---------------|-------|
| Инфиксация | 35% |
| Констатация | 25% |
| Оценка | 15% |
| Визуализация | 12.5% |
| Интертекст | 5% |
| Предположение | 2.5% |
| Мнение | 2.5% |

Таблица 3.

Восстановленный текст. Аглоязычная версия.

| Вопрос | Варианты ответа | Количество |
|--------|---|-----------------------|
| 1 | 1. I think, it was good. (Я думаю, она была хорошей) 1. Yes, it was good. (Да, она была хорошей). 2. From my point of view, it was good. (С моей точки зрения, она была хорошей). 3. I suppose, that was good. (Я предполагаю, она была хорошей) 4. You are right, it was good. (Ты прав, она была хорошей) | 5 2 1 1 1 |
| 2 | 1. Would you, please, go into more details? 2. Could you, please, go into more details? 3. Can you, please, go into more details? («Не могли бы вы, пожалуйста, прояснить некоторые детали?» с разной степенью вежливости). | 5 4 1 |
| 3 | 1. Oh, that's nice. / That's nice / That's really nice / Oh, nice / Nice. (Это мило / Мило / Это правда мило). 2. That's good / Oh, good. (Это хорошо / О, хорошо). 3. Nice to hear that. (Приятно это слышать). 4. Really? (Правда?) 5. Oh, well. (О, неплохо). | 5 2 1 1 1 |
| 4 | 1. Hello, sir / madam. (Здравствуйте, сэр/мадам). 2. Hello. (Здравствуйте). 3. Hello, Dr. ... speaking. (Здравствуйте, приемная доктора ... слушает). | 5 4 1 |

Таблица 4.

Вторичный текст. Англоязычная версия.

| Реакция | % |
|---------------|-------|
| Инфиксация | 35% |
| Оценка | 27.5% |
| Вывод | 25% |
| Предположение | 15% |
| Мнение | 10% |
| Визуализация | 2.5% |
| Интертекст | 2.5% |
| Аргументация | 2.5% |

Мы получили количественные показатели для каждого варианта, восстановленного текста, от которых отталкивались, вынося суждение о правильности выбора «ключевых слов» для каждой культуры. Нами было выявлено, что и для японской, и для английской лингвокультуры характерно наличие в среднем 4 вариантов формулирования фразы, отражающей тот или иной аспект классификации культур. Во всех случаях предложенные нами изначально вариант был доминирующим, однако стоит отметить следующее:

1. В вопросах, посвященных анализу проявленности таких характеристик, как «прямота» и «краткость» лингвокультурного стиля японской культуры, количество ответов, предполагающее использование просторечного стиля в разговоре двух коллег по работе оказалось выше, чем количество ответов, предполагающих использование нейтрально-вежливого стиля, а количество ответов, предполагающих использование просторечия как в отношениях ребенок-мать так и в отношениях ученик-учитель очень сильно приблизилось к сумме ответов, предписывающих их различие. Согласно нашим выводам, причиной получения таких результатов явился

процесс вестернизации японской культуры, когда идеалом видятся демократические отношения типа «равный — равный». Таким образом, по нашему мнению, пособия по изучению японского языка должны отражать этот процесс, чтобы оставаться для учеников надежными источниками информации о современных представлениях носителей языка о «вежливом» и «невежливом» поведении.

2. В вопросе, посвященном анализу проявленности такой характеристики, как «инструментальность» лингвокультурного стиля английской культуры, количество ответов, предполагающих использование обращений, маркирующих социальный статус адресата высказывания (sir, madam) было практически равно количеству ответов, предполагающих отсутствие данного обращения, что, по нашему мнению также является отражением общемировой тенденции к демократизации культуры, основанной на концепции всеобщего равенства и толерантности, и англоязычные учебники должны также отражать эту тенденцию, чтобы сформировать у учеников правильное понимание «positive face» британской культуры речевого поведения.

Во второй части каждого исследования мы выявили процентное соотношение частоты каждой реакции, чтобы получить объективную картину того представления, которое возникает у носителя культуры относительно каждой из четырех ситуации, где проявляется один из ключевых концептов понимания «вежливости» в каждом из лингвокультурных стилей. где нами были выявлены следующие закономерности:

1. Как для носителей японской культуры, так и для носителей английской культуры, наиболее частотной являлась реакция инфиксации - «вживания» в роль одного из участников коммуникации и дальнейшее описание происходящего, прежде всего эмоциональной окраски ситуации, с его точки зрения: «気持ちいい» («Мне хорошо»), «安心です» («Мне спокойно»), «I'm curious» («Мне любопытно») и так далее. Однако при этом проявляются и культурные особенности восприятия: если носитель японской

культуры ассоциирует себя прежде всего с адресатом высказывания («пассивная» позиция), то носитель английской культуры — с его адресантом: просителем, задающим вопрос и так далее («активная» позиция). Таким образом, мы можем говорить о том, что для речевой ситуации в английском языке «positive face» коммуникантов сохраняется, если положительный настрой беседы задает ее инициатор, а в английском языке — принимающий чужую инициативу участник речевой ситуации.

2. Далее мы можем заметить различия во второй по частотности реакции — для носителей японского языка это констатация, проговаривание основных характеристик ситуации, к примеру «友達です» («Они друзья») или «丁寧です» («Они вежливы»), а для носителей английского языка второй по частотности употребления такой реакцией стала оценка — как происходящей ситуации, так и ее участников: «He's interested in subject» («Он заинтересован предметом беседы»), «She's probably work-stressed» («Она, скорее всего, устала на работе»). Различен также и характер суждений о происходящем: японец скорее проговаривает роли участников коммуникативного акта, тогда как англичанин говорит об их эмоциональном состоянии, которое для многих реципиентов оказалось противоположным декларируемому в тексте поведению коммуникантов («Она вежлива, но на самом деле за этим скрываются негативные эмоции»). Здесь можно сделать вывод о характере понимания «positive face» в сравниваемых нами культурах: в японской позитивную реакцию вызывает соответствие предписываемым ролям, в английской — демонстрация положительных эмоций, несмотря на реальное эмоциональное состояние коммуникантов.

3. И, наконец, если обратить внимание на наименее частотные по своему употреблению реакции, то опять же они окажутся различными для носителей изучаемых нами культур: японская лингвокультура практически не предполагает оценки коммуникативной ситуации и ее участников и эксплицитно выраженного мнения реципиента: реакция, подобная

«空気を読むやつ» («Этот парень хорошо «читает атмосферу», т. е. чувствует настроение собеседника) встретила нам лишь однажды, тогда как для английской культуры нехарактерны реакции, связанные с домысливанием и художественной интерпретацией ситуации, а именно интертекст и визуализация: «Don't do that, we want home» («Не делай этого (подробного рассказа), мы хотим уйти домой») и «He just wants to look smart» («Он просто хочет казаться умным»). На основании этого, мы приходим к выводу, что наименее желательной эмоциональной реакцией, а именно угрозой для «positive face» в японской культуре является эксплицитное оценочное суждение по отношению к коммуникантам, а в английской — излишняя эмоциональность, домысливание деталей, что снова соответствует выводам, сделанным нами в 3 главе.

Обобщая же информацию о содержательной части реакций порождения вторичного текста, мы можем увидеть, что большинство реакций реципиентов было связано с описанием положительных эмоций (за исключением ситуации №3 в анкете для носителей японской культуры, связанной с риском отказа в просьбе), что показывает, что мы смогли правильно подобрать ситуации с компонентом «вежливости» и вызвать у реципиентов ощущение сохранения и поддержки «positive face» их культуры.

Выводы по 4 главе

Итак, нами была запланирована практическая работа, состоявшая в анализе анкет реципиентов — представителей двух сравниваемых нами культур, японской и английской. В анкетах реципиенты анализировали тексты, выбранные нами на основе присутствия в них ключевых слов, отражающих понимание концепта «вежливость» в каждой из лингвокультур, исходя из ее базовых характеристик-дихотомий (прямой-непрямой, краткий-развернутый, личностный-контекстуальный и инструментальный-аффективный стили), а именно — дополняли отсутствующие в тексте слова и

фразы а затем порождали «вторичный текст», основанный на их эмоциональном восприятии описанной в тексте ситуации.

На основании анализа данных 20 анкет (10 реципиентов — носителей английского и 10 реципиентов — носителей японского языка) мы сделали выводы о современном понимании концепта «вежливости» в общем и понимания «positive face» данных культур в частности и нами были сделаны следующие выводы:

1. Мы можем наблюдать за процессом глобализации и унификации культур в сторону современного западного понимания позитивных условий коммуникации как условий фактического равенства коммуникантов и минимальной дистанции между ними.

2. Позитивное содержание «positive face» в японской культуре связано с четким выполнением предписанных ролей и доминированием «пассивной» позиции в речевом акте, а английской культуре — с самоконтролем и демонстрацией позитивных эмоций несмотря на реальное состояние дел и доминированием «активной» позиции в речевом акте. Угроза «positive face» и в японской и в английской культуре — это излишняя эмоциональность и стремление открыто оценивать поведение собеседника, не считаясь с его чувствами.

В целом же мы оцениваем проведенный нами эксперимент как удавшийся и планируем использовать полученные данные в дальнейших исследованиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги нашего исследования, мы можем, в первую очередь сказать, что очерченная нами в начале работы общая проблематика методологии преподавания иностранных языков — значение и место лингвокультурологии в парадигме изучения языка, подходы к ее преподаванию, методы и приемы, отвечающие основным требованиям современного учебного процесса — отнюдь не исчерпана в процессе работы и представляет собой бесконечное поле возможностей для дальнейших теоретических и практических исследований.

Однако, на основании сделанных нами выводов по каждому пункту плана исследования, мы можем утверждать, что данная работа может считаться актуальной и востребованной в таких направлениях, как:

- лингвокультурология — так как предлагает рабочие методы сравнения лингвокультур;
- межкультурная коммуникация — так как демонстрирует анализ живой речи носителей языка и делает информативные выводы;
- этнопедагогика — так как дает подробное описание коммуникативного стиля английской и японской культуры.

В ходе написания работы мы успешно решили ряд задач, связанных как с определением теоретического обоснования хода исследования, его методологии, а также и с применением полученных нами выводов на практике и анализом полученных результатов и приводим здесь подробные выводы по каждой из задач.

В начале исследования мы кратко описали трудности, с которым сталкивается практикующий преподаватель, желающий воспользоваться наиболее передовым и современным подходом к преподаванию иностранных языков — коммуникативным подходом. В процессе реализации основной цели коммуникативного подхода — помощь в овладении навыками, позволяющими учащемуся успешно решать поставленные перед собой

коммуникативные задачи, преподаватель, как правило, понимает, что без общекультурных знаний данную цель реализовать невозможно, и незнание культурно языковых реалий неизбежно приведет к коммуникативной неудаче обучающегося — но при этом ни одно пособие не дает ему четко обоснованных критериев и методик преподавания культурологического материала, а обилие подходов к описанию речевых культур для каждого языка также не способствует определенности. В итоге, мы решили начать с поиска теоретической базы — а именно, с поиска такого направления в лингвистике, которое бы фокусировалось на том, какие личностные, внутренние процессы имеют место быть в эмоциональной сфере участников коммуникативного процесса (так как понятие коммуникативной удачи носит глубоко эмотивный характер и переживается коммуникантами именно в этом качестве). Таким направлением для нас стала **интеракционная социолингвистика**, основным понятием которой является понятие «межиндивидуального взаимодействия», успешность которого определяется не только фактом передачи информации от одного индивида к другому, но и реакцией (негативной или позитивной) обоих участников речевого акта на сопутствующие ему обстоятельства. Пользуясь терминологией интеракционной психолингвистики, мы определили желание адресанта речевого акта вызвать у адресата положительный отклик как **«positive face»** («позитивное лицо») — образ, который, с точки зрения коммуниканта будет воспринят позитивно и создаст предпосылки для коммуникативной удачи. И, как мы выявили в дальнейшем, именно в трактовке «positive face» кроется основа конфликтов в процессе межкультурной коммуникации, так как каждая культура определяет «positive face» по-разному, наделяя этот образ порой противоположными характеристиками.

Прежде чем очертить вышеозначенные характеристики «positive face» в английской и японской культуре, мы теоретически обосновали возможность сделать это в рамках компаративистики. Ретроспекция генезиса данного направления и его развития в России и СССР показала, что на всех этапах

своего развития компаративистика высоко ставила антропологический фактор развития языка и культуры в их тесной взаимосвязи, а также делала особый акцент на уникальности каждой лингвокультуры, что полностью отвечало нашим требованиям. Компаративистика также стала ресурсом основного метода нашего исследования – метода качественного языкового сравнения. Данный метод предполагает сравнение двух неродственных языков, исходя из присутствующего в них обоих явления, которое должно отвечать двум критериям:

1. принадлежать к одной языковой категории;
2. сопоставление данного явления в двух лингвокультурах должно исходить из системности языка.

Мы определили, что метод качественного сравнения является обоснованным с точки зрения объекта нашего исследования: категории вежливости в английском и японском языке, так как они носят системный характер и отражены на языковом уровне в виде «ключевых слов», которые мы и планировали сопоставить.

Для того, чтобы представить сопоставление строго систематически, мы обратились к способам классификации культур, разработанным в процессе развития такого направления, как коммуникативная этностилистика, и выделили среди них классификацию У. Гудикунста, основанную на противопоставлении коммуникативных этностилей по четырем дихотомиям:

1. Прямой и непрямой этностили (отражает то, насколько полно отображены в сообщении коммуниканта его интенции);
2. Сложный и краткий этностили (отражает объем и выразительность речи);
3. Личностный и контекстуальный этностили (отражает то, насколько для речевого акта важны социально-ролевые отношения между коммуникантами);
4. Инструментальный и аффективный этностили (связан с ориентацией коммуникантов на цель или же на сам процесс общения).

Проанализировав соответствующую культурологическую информацию, мы пришли к выводу, что японский коммуникативный этностиль можно характеризовать как не прямой, краткий, контекстуальный и аффективный, а английский – как не прямой, личностный, краткий и инструментальный, что с необходимостью отражалось на понимании концепции «вежливости» носителями этих двух культур. Рассмотрев, как данные характеристики отражаются на языковом уровне, мы установили, что «ключевыми словами», содержащими в себе уникальное для двух данных культур понимание вежливости являются: для японской культуры – «айсацу», клишированные фразы повседневной речи, «аймай» - грамматическая форма слов, содержащая в себе недоговоренность, позволяющую собеседнику самому достроить твою фразу, грамматические формы вежливости японского глагола и «айдзути», междометия, демонстрирующие внимание к собеседнику; для английской культуры: модальные операторы (think, suppose), модальные конструкции с глаголами would и could, эмотивные высказывания.

Чтобы проверить нашу гипотезу мы прибегли к анкетированию. Анкеты были созданы нами на основе метода «встречного текста» Н.А. Новикова: реципиентам предлагался сопровождаемый иллюстрациями текст с пропущенными «ключевыми словами», а базовое задание анкеты формулировалось как «заполнить пропуски и описать, какие эмоции вызывает у вас данная ситуация». Предлагаемые реципиентами слова и фразы позволили нам сделать выводы о правомерности наименования выбранных нами языковых явлений в качестве «ключевых» для японской и английской лингвокультуры, а описываемые эмоции были тем самым «встречным текстом», структура и фактическое содержание которого позволяли определить, чувствуют ли опрашиваемые нами носители языка угрозу своему «positive face», то есть, считают ли они, что в данных ситуациях коммуниканты проявляют «вежливость» в каждом речевом акте. В процессе анализа анкет мы подтвердили нашу гипотезу о том, что приведенная нами классификация японской и английской лингвокультуры по

У. Гудикунсту, а также выделенные нами на основе этой классификации явления действительно могут быть названы «ключевыми» для понимания японской и английской культур в целом и описанию понимания концепции вежливости в каждой из них, что в дальнейшем можно использовать в качестве теоретической базы для педагогических и лингвострановедческих исследований: в целом, можно сказать, что обе они проявляют тенденцию к унификации и демократизации, но при этом сохраняют и свои уникальные черты (в японской культуре это речевая пассивность и четкое выполнение предписанных ролей, в английской — демонстрация положительных эмоций и при этом сдержанность).

В целом, учитывая, что все поставленные нами перед написанием работы задачи в ходе текущего исследования были выполнены, а сформулированные гипотезы подтверждены, мы оцениваем проведенную нами работу как удовлетворительную. Недостатками работы могут считаться не настолько широкий, насколько это было возможно с учетом современных средств связи, охват реципиентов в практической части, и общий характер работы, который имеет скорее теоретическую, нежели практическую значимость. В дальнейшем мы планируем скорректировать данные недостатки, используя полученные нами выводы в практических целях — к примеру, для составления методических рекомендаций к УМК по английскому и японскому языку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов В. М. Марр, марризм и сталинизм // Философские исследования №4, 1993.
2. Алпатов В. М. Языковой аспект японского национализма. // Япония: мифы и реальность. М., 2003.
3. Алпатов В.М. Япония. Язык и культура. Альманах. М.: Муравей, 2002.
4. Бессонова, Е. Ю. Клише в дискурсе японских сезонных посланий // Восток: исто-рия, филология, экономика. Вып. 2. М., 2003.
5. Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович. Языковедение и язык. Исследования замечания, программы лекций. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
6. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. — М.: Языки русской культуры, 1999.
7. Гамперц Дж. Дж. Типы языковых обществ // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. - М., 1975.
8. Гуревич Т. М. Человек в японском лингвокультурном пространстве. М., 2005.
9. Долинина И.Б. Синтаксически значимые категории английского языка. — Л., Наука, 1989. †
10. Гофман И. Ритуал взаимодействия. Очерки поведения лицом к лицу. Пер. с англ.; под ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009.
11. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М, 1985.
12. Грейдина Н. Л. Основы коммуникативной презентации. Пятигорск: ПГЛУ. Изд-во «Рекламно-информационное агенство на КМВ», 2003.

13. Гришин Ю.В. Хадзидилис Накамура // Компаративное видение современной философии. СПб., 2009. С.239-254.
14. Гузеев, В. В. Содержание образования и профильное обучение в старшей школе / В. В. Гузеев // Народное образование. 2002. № 9. С. 22-23
15. Гухман М.М. У истоков советской социальной лингвистики. Иностранные языки в школе. - М., 1972, № 4.
16. Жирмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., Гослитиздат. 1936. 297 с.
17. Конрад Н.И. Япония. Народ и государство. Исторический очерк. — Пг., Наука и школа, 1923.
18. Красных В.В., Бубнова И.А. Некоторые базовые понятия и основные категории психолингвокультурологии // Вопросы психолингвистики. № 3(25), 2015.
19. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
20. Леонтьев А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. — М., 1979.
21. Мацумото Д. Психология и культура. СПб.: Питер, 2003.
22. Майол Э., Милстэд Д. Эти странные англичане. М.: Эгмонт Россия Лтд, 1999.
23. Мещанинов И.И. «Палеоазиатские языки». Известия академии наук СССР, отделение литературы и языка, 1948 г., том VII, вып. 6
24. Мид Дж. Г. От жеста к символу. М., 1996.
25. Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – 2003.
26. Овчинников. В.В. Сакура и дуб. М.: Дрофа, 2005.
27. Остин Дж. Л. Слово как действие. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. — М., 1986.

28. Пешкова Н.П. Из опыта экспериментальных исследований понимания речи в русле психолингвистики текста А.И. Новикова // Вопросы психолингвистики – № 2 (20) – 2014.
29. Пешкова Н.П. «Контртекст» реципиента при понимании сообщений информирующего типа // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты: материалы Международной школы-семинара (V Березинские чтения). М., 2011.
30. Прохвачева О. Г. Приватность. // Антология концептов / под ред. : В. И. Карасика, И. А. Стернина. – М. : Гнозис, 2007.
31. Сессия отделений общественных наук Академии Наук СССР, посвящённая годовщине опубликования гениального произведения И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»: Сборник материалов. — М.: Академия наук СССР, 1951.
32. Сёрл Дж. Р. Что такое речевой акт?; Косвенные речевые акты; Классификация речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.
33. Смит Сара, Ларина Т. В. Обращение в английской коммуникативной культуре (в сопоставлении с русской). Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. М., 2003.
34. Смурова О. В. Степень уверенности и обоснованность как компоненты значения эпистемических модальных операторов. – М.: Вестник Московского государственного лингвистического университета, 2011.
35. Степанишина А.И. Современная образовательная система в Японии: традиции и тенденции развития. Материалы III Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2000.
36. Ступин Л.П., Игнатьев К.С. Современный английский речевой этикет. - Л., 1980.

37. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации: Учебное пособие. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007.

38. Фаткулина О. Интерпретация исходного положения и понятия коммуникативного подхода согласно японским источникам // Вестник КазНУ. Серия востоковедения №1 (58), 2012.

39. Федюнина И.Э. Лингвистическая репрезентация лицемерия как формы социального поведения (на материале русских, английских и немецких фразеологизмов) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – Т. 1. – No 2. – СПб., 2012.

40. Уфимцева Н.В. Языковое сознание – образ мира – языковая картина мира // Вопросы психолингвистики. № 2(24), 2015.

Литература на иностранных языках

1. Archer J. A Matter of Principle // A Quiver Full of Arrows. – London: Pan Books, 2003.

2. Benati Alessandro G. Japanese Language Teaching A Communicative Approach. London, Bloomsbury Academic, 2009.

3. Bhabha H. K. The Location of Culture. L.& N.Y., 1994.

4. Berns, M., & Matsuda, P. K. (2006). Applied linguistics: Overview and history. In K. Brown (Ed.), The Encyclopedia of language and linguistics (2nd ed.; pp. 394–405). Oxford, UK: Elsevier.

5. Brown, P., Levinson, S.C. Reprint of first chapter of (1987) Politeness: Some universals in language usage // London : Routledge. — 2010.

6. Davis R., Ikenu O., The Japanese Mind. Jakarta. Periplus Editions, 2005.

7. Genki. An integrated course in elementary Japanese. Eri Banno, Yoko Ikeda, Yutaka Ohno, Chikako Shinagawa, Kyoko Tokashiki. 2nd edition. — The Japan Times, 2011.

8. Greenberg Joseph. The Languages of Africa. Bloomington: Indiana University Press. 1963. Bloomington: Indiana University Press. 1963.
9. Gudykunst W. B. Cross-Cultural and Intercultural Communication, NY, SAGE Publications, Inc; 1 edition , 2003.
10. Handbook of international and intercultural communication/ edited by William B. Gudykunst and Bella Moody. – 2nd ed., 2002.
11. Marugoto: Japanese language and culture Starter A1 Coursebook for communicative language competences – Japanese Language Study Book. Japan Foundation 2013.
12. Minna no Nihongo. 3A Corporation 2012.
13. Perry A. J. Twelve Stories of Russia: A Novel, I Guess. Moscow: Glas Publishing, 2001.
14. Person L. The Complexity of Aisatsu. Stockholm, Lund University 2012.
15. *Real Listening and Speaking, Craven Miles. – Cambridge University Press, 2008.*
16. Sifianou M. On culture, face and politeness. Again! London, Researchgate, 2015.
17. 鎌田修、川口義一、鈴木睦「日本語教授法ワークショップ」、東京、1996.

Анкета №1. «Ключевые слова» японской лингвокультуры

皆さん！

今日ちょっとお願いしたいと思っています。

私は最近丁寧なスピーチについて研究しているので、ネイティブの説明が必要なんです。じか
んもかからないで、お手伝いになります。

数字の質問を教えてください。

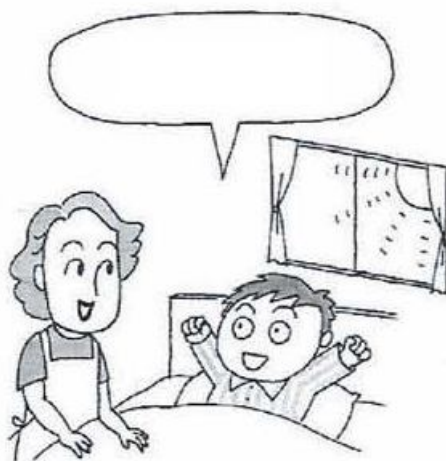
1. 性別と年齢を教えてください。

2. 日本人ですか。

3. 次の四つ絵を見て状態を想像してください。こんな状態どんな言葉を使いますか。
どんな気持ちがありますか。

どうもありがとうございました。

1.



2.



やま だ 山 田 : もう 12時ですよ。 昼ごはんを

ミラー : ええ。

3.



いま 今のわたしの仕事には、もう少し高いレベルの日本語が
 が必要だと思っんです。できれば会社の費用でこの
 学校へ③ _____、どうで
 しょうか。

4.



ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Анкета №2. «Ключевые слова» английской лингвокультуры

Dear friends!

Today I'm going to ask for your help with my research on comparing some aspects of spoken language of different world cultures. It won't take you a lot of time and the information you'll provide me with would be a great help for refining teaching methodology in my country.

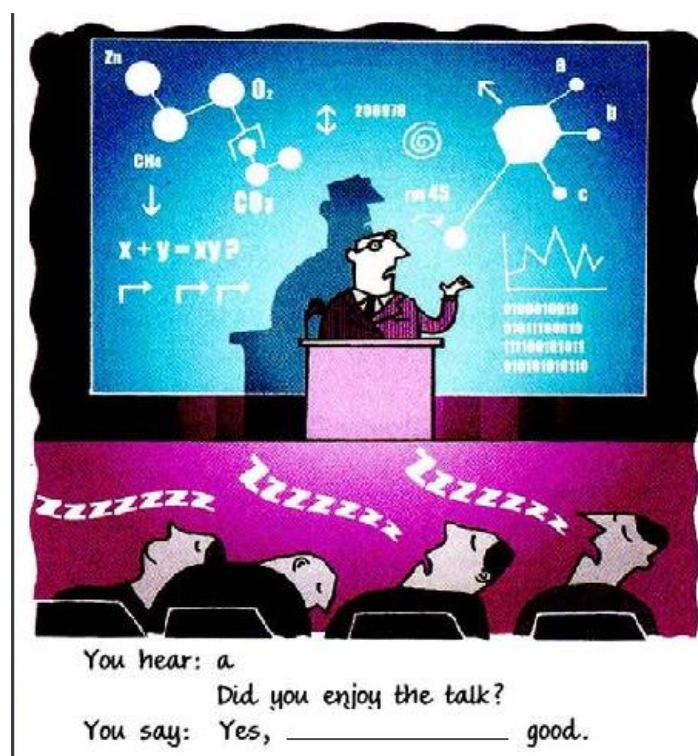
What you need to do is to answer some questions:

1. Name, please, your sex, age and nationality.
2. Look at these pictures illustrating typical communicative situations with dialog attached and write a) what word or phrase should be there in the gap and b) how does this situation make you feel?

Thank you!

Situations:

1.

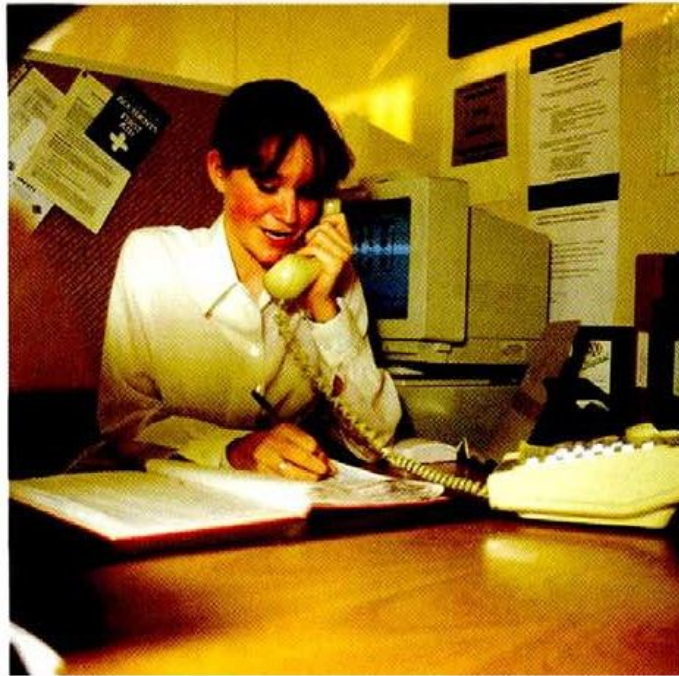




You hear: a

The biggest cause is lack of funding by some governments.

You say: _____ go into more detail, please?



You hear: _____ Doctor Park's surgery.
a

You say: Hello. I'd like to make an appointment, please.

3.



You hear: I read a book at the weekend, and it
was really interesting.

You say: _____ What book did you read?

4.

Анкета №1 — ответы респондентов



Вход

15 часов (а) , 13 минуты тому назад

Miznia

3760 1438 467

女

22歳

日本に生まれ、いま中国に死んでいる

1. おっは〜 / おはよう / hi 気持ち: 気持ちいい 2. ビール飲もうか 気持ち: うれしい 3. 行かせていただけませんか 気持ち: こわい〜 (><) 4. ちょうかわいい〜 気持ち: 優しい

14 часов (а) , 16 минуты тому назад

Ответ №1

Женщина.

22 года.

Родилась в Японии, сейчас проживаю (опечатка) в Китае.

1. «Охха» (слэнг) и «утро!» (также неформальное); приятное чувство.
2. «Выпьем-ка пива» (неформ.); чувство радости.
3. «Позвольте мне пойти» (очень вежливое); чувство - «страшно-то как» (смайлик).
4. «Супер милый!» (неформ.); чувство - «это добрый человек»



Вход

GuyT

0

男

27

日本生まれ、今アメリカに修社

一 おはようございます。 おはようございます。 こんにちは。
 気持ち 普通

二 昼ご飯一緒に食べませんか・・・
 気持ち 普通

三 行かせてもらえないでしょうか・・・
 気持ち 普通

四 そうですか。
 気持ち 普通

Friday 15:13

Ответ №2

Мужчина.

27.

Родился в Японии, сейчас гражданин Америки.

1. В обоих случаях - «доброе утро» (вежл.); чувство — все как обычно.
2. «Не поесть ли нам вместе обед?» (вежл.); чувство — все как обычно.
3. «Не могли бы вы позволить мне пойти?» (очень вежл.); чувство — все как обычно.
4. «Ах вот как»; чувство — все как обычно.

Вход

lovelanguageslll   40  2  137

女、34歳
イギリス人に結婚して、イギリスに住んでいます

- 1 おはようございます 気持ち元気
- 2 ちょっと昼ご飯を... 気持ち 人懐こい
- 3 行ってくださいますか 気持ち ホーブ
- 4 いいですね。 気持ち ハービィ

August 2017

Ozemite   88  561  3530

男
4 1
日本に住んでいますが、外国会社の会社員のでよくオーストラリア出張します

1. お早う ・ おはようございます！ ・ こんにちは！

丁寧

2. あの、屋後は...

友達

3. 行かせていただきたいんですが うやうやしい
4. 美しいですね

楽しみ

August 2017

Ответы №3 и №4

Женщина.

34 года.

Вышла замуж за англичанина, сейчас проживаю в Великобритании.

1. В обоих случаях - «доброе утро» (вежл.); чувство бодрости, радости.
2. «Знаешь, насчет обеда...»; чувство — «это заботливый человек».

3. «Не позволите ли мне пойти?»; чувство надежды.

4. «Хорошо»; чувство радости.

Мужчина.

41 год.

Гражданин Японии, но так как работаю на иностранную компанию, часто бываю в командировке в Австралии.

1. «Утро!» (неформ.) и «доброе утро!» (вежл.); чувство — «они вежливые люди».

2. «Знаешь, после обеда...»; чувство - «они друзья».

3. «Я бы хотел, чтобы вы позволили мне пойти...»; чувство - «он надоедливый».

4. «Красивый, не правда ли?»; чувство доброты.

LingQ Вход

usablefiber 8601 1034 5076

女
19才
日本人のソウル大学の学生
1みんな「おはよう」と言ってるかも...
別に何も感じてない.....
2 今日一生にご飯食べない?
そんなにやさしいどうりょう...欲しい
3 ええええと... 行ってもらえませんか? かもしれない
あはりダメだ...
4 かわいいね
赤ちゃん大好き (-) (-)
.
..
.

August 26 at 19:19

Ответ №5

Женщина.

19 лет.

Японка, студентка Сеульского университета.

1. Кажется, все говорят «доброе утро» (неформ.); чувство: «ничего особенного не чувствую».

2. «Пообедаем сегодня вместе?» (неформ.); чувство: «какой добрый коллега... хочу такого же».

3. «Ммм... Не отпустите меня?... наверное»; чувство: «это, поди, бесполезно...».

4. «Милый, правда?»; чувство: «люблю малышей!» (смайлик).

LingQ

Вход

August 18 11:56

Combiendemarins

2 1

女

ハーフ /両親は日本人・韓国人。 日本に生まれ、15歳まで住んでいた/

1. 「お早う」 と 「おはようございます」

気持ち みんなok

2. 「ご飯食べようか」

気持ち みんなok

3. 「行かせていただけたんですが」

気持ち 不安

4. 「かわいいですね」

気持ち みんなok

August 18 15:50

Ответ №6

21 год.

Женщина.

«Хафу» (полукровка — яп.), родители — японец/японка и кореец/корейка, родилась в Японии, до 15 лет жила там.

1. «Утро» и «Доброе утро»; чувство: «все о`кей».

2. «Не пообедать ли нам?»; чувство: «все о`кей».

3. «Я бы хотел, чтобы вы позволили мне пойти...»; чувство беспокойства.

4. «Милый, не так ли?»; чувство: «все о`кей».

Администратор

Jahrine.LingQ.Team



 617  602  991

男

27歳

日本の公民

- 1) おはよう 気持ち・明るい
- 2) ちょっとおながすいて... 気持ち・共感
- 3) 行ってもらえないでしょうか 気持ち・共感
- 4) 赤ちゃん可愛いですね 気持ち・楽しい

1 час, 35 минуты тому назад

Ответ №7

Мужчина.

27 лет.

Гражданин Японии.

1. «Утро»; «светлое чувство».
2. «Что-то я проголодался...»; чувство эмпатии, сочувствия.
3. «Не отпустите ли меня?»; чувство эмпатии, сочувствия.
4. «Какой милый ребенок, правда?»; чувство доброты.

mark



 34855  2052  3879

男

28歳

日本から北カナダ人

1「おはよう」と「おはようございまし」

元気に

2「ご飯食べない？」

同情

3 行ってくださいますか

労り

3 いいね

いじらしい

August 19 ■ 17:36

Ответ №8

Мужчина.

28 лет.

Родом из Японии, проживаю на севере Канады.

1. «Доброе утро!» и «С добрым утром вас»; чувство: бодрое настроение.
2. «Пообедаем?» (неформ.); чувство: понимание.
3. «Не соизволите ли отпустить меня?» (очень вежл.); чувство: жалость.
4. «Хорошо»; чувство: вызывающий умиление.


Вход

defsoad  🇯🇵 1 🇪🇸 2009 🇩🇪 440

otoko, 21, nihonjin

1. ohayou (tadano hi)

2. eeeto hirugohan... (kuukiwo yomu yatsu)

3. ikasete itadakitain desu ga (totemo teinei)

4. ii ko ne (tomodachi)

July 2017

Ответ №9

Мужчина.

21 год.

Японец.

1. «Утро» (неформ.); чувство: «это обычный день».
2. «Ммм... знаете, обед...»; чувство: «этот парень хорошо понимает других».
3. «Не соизволите ли отпустить меня?» (очень вежл.); чувство: «он очень вежлив».
4. «Хороший ребенок, правда?»; чувство: «они друзья».

keithwhitt 963 12276 0

女

23歳

日本人... けど日本語教師として、よく外界にいる

1 えええと... 「おっは」と「おはようございます」?

別に何も感じてない...ふつう

2

「昼ご飯なんて...」

やさしいね...

3

敬語なんて苦手ね... 「行かせてもらえないでしょうか」

かわいそう

4

「かわいいね」 気持ちいい - -

April 29 в 00:03

Ответ №10

Женщина.

23 года.

Японка... но, будучи преподавателем японского (для иностранцев) часто бываю за границей.

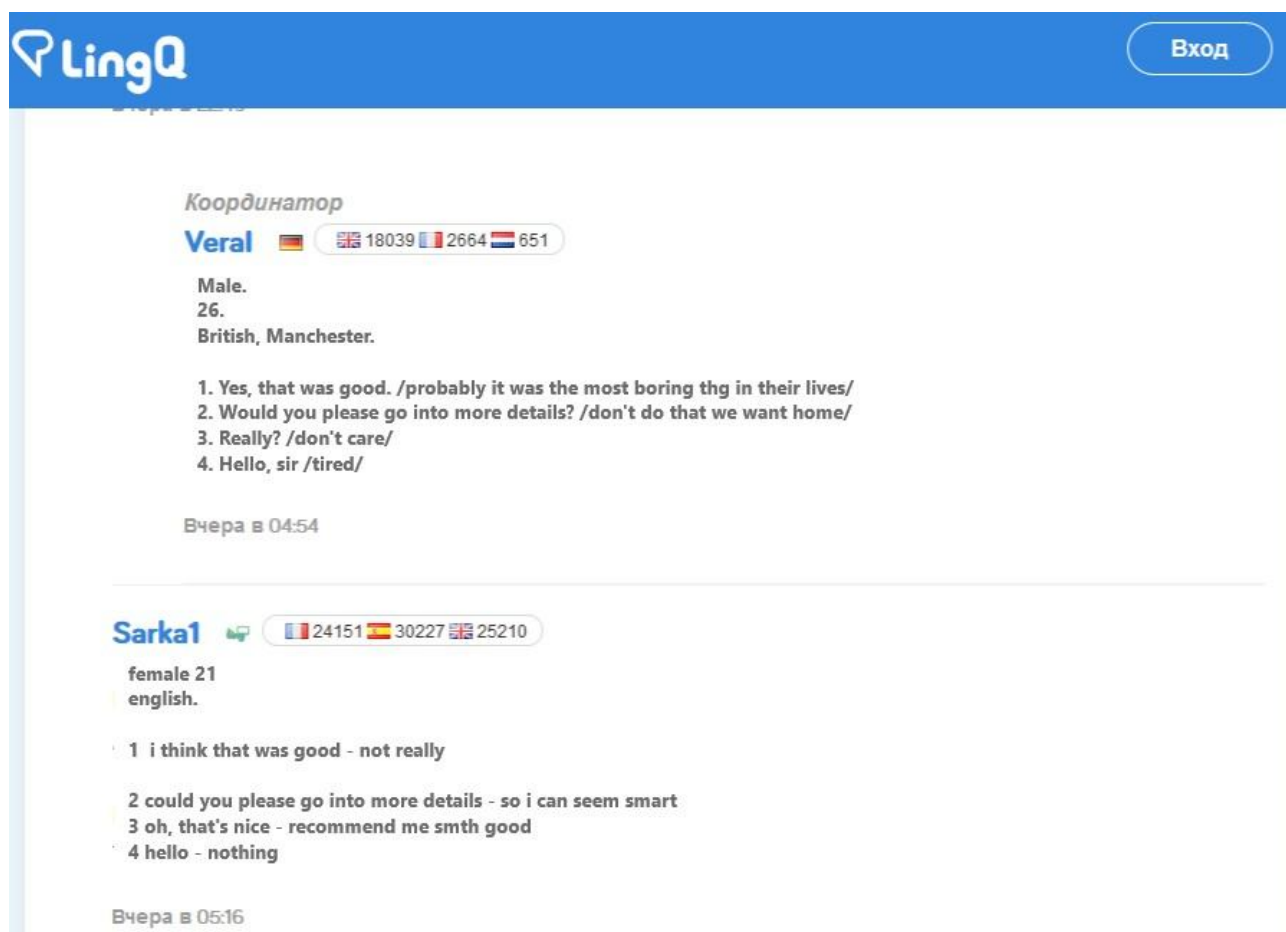
1. «Ммм... «утро!» и «доброго вам утра»?; чувство: «не чувствую ничего особенного».

2. «Насчет обеда...»: чувство: «какой он добрый».

3. «У меня не очень хорошо с формально-вежливой речью... «Не прикажете ли вы мне идти?»; чувство: жалость.

4. «Милый, не так ли?»; чувство: хорошее, приятное.

Анкета №2 — ответы респондентов



Ответы №1 и №2

Мужчина.

26 лет.

Британец, родился (проживает) в Манчестере.

1. «Да, она была хорошей». Чувство: «скорее всего, это была самая скучная речь в их жизни»;

2. «Не могли бы вы (would), пожалуйста, прояснить некоторые детали?». Чувство: «не делай этого, мы хотим домой»;

3. «Правда?». Чувство: «мне все равно»;

4. «Здравствуйте, сэр». Чувство: «она устала».

Женщина.

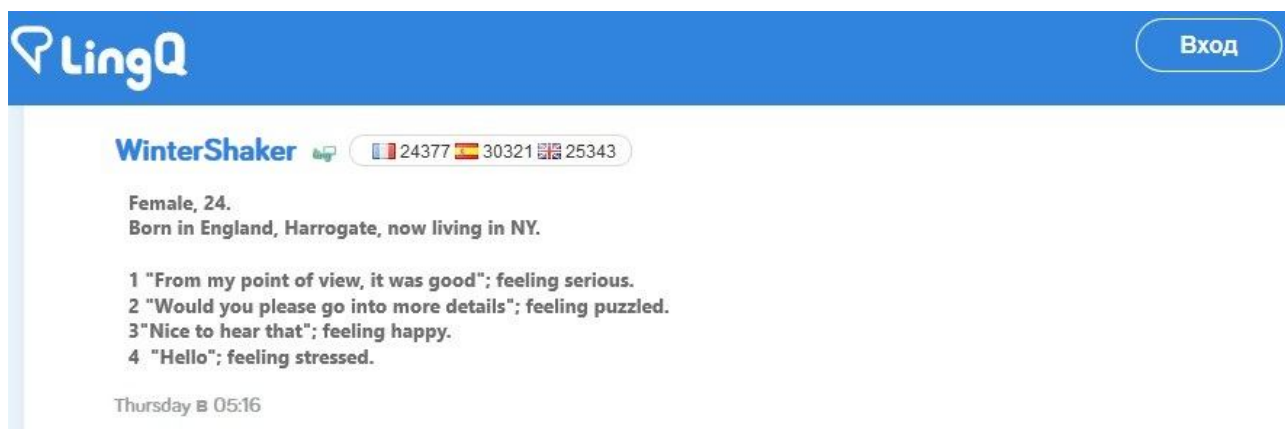
21 год.

Англичанка.

1. «Думаю, она была хорошей». Чувство: «не очень»;
2. «Не могли бы вы (could), пожалуйста, прояснить некоторые детали?».

Чувство: «так я буду казаться умным»;

3. «О, как мило». Чувство: «посоветуй мне что-нибудь хорошее»;
4. «Здравствуйте». Чувство: «ничего».



Ответ №3

Женщина.

24 года.

Родилась в Англии, Хэрроугэйт, сейчас проживает в Нью-Йорке.

1. «С моей точки зрения, она была хорошей». Чувство: «серьезный»;
2. «Не могли бы вы (would), пожалуйста, прояснить некоторые детали?».

Чувство: «озадаченный»;

3. «Приятно слышать». Чувство: «счастлив»;
4. «Здравствуйте, сэр». Чувство: «стресс».

antom   31043  13436  431

19, male, British (Camborne)

i suppose, that was good

neutral

can you please go into more details

interested

nice

engaged

hello sir/madam

neutral

3 часов (а) , 58 минуты тому назад

Ответ №4

Мужчина.

19 лет.

Британец, проживает в Кэмборне.

1. «Я предполагаю, что она была хорошей». Чувство: «нейтральное»;

2. «Не могли бы вы (can), пожалуйста, прояснить некоторые детали?».

Чувство: «заинтересованный»;

3. «Мило». Чувство: «вовлечен в беседу»;

4. «Здравствуйте, сэр/мадам». Чувство: «нейтральное».

Aydin_   30358  0

British, female, 22.

1) I think it was good (peaceful) 2) Could you please... (interested) 3) That's good

(curious) 4) Hello (neutral)

Thursday в 10:15

Ответ №5

Женщина.

22 года.

Британка.

1. «Я думаю, что она была хорошей». Чувство: «спокойный»;
2. «Не могли бы вы (could), пожалуйста...». Чувство: «заинтересованный»;
3. «Это хорошо». Чувство: «любопытство»;
4. «Здравствуйте». Чувство: «нейтральное».



Ответ №6

Мужчина.

28 лет.

Родился в Тэтфорде (Англия), жил там до 11 лет.

1. «Я думаю, что она была хорошей». Чувство: «может, чувствует себя действительно так, может иначе»;

2. «Не могли бы вы (would), пожалуйста, прояснить некоторые детали?». Чувство: «может, чувствует себя действительно заинтересованным, может нет»;

3. «Это вправду хорошо». Чувство: «может, чувствует себя счастливым, может нет»;

4. «Здравствуйте, сэр/мадам». Чувство: «скорее всего, испытывает стресс от работы».

Luis_Leo   160

Hello, I'm Luis_Leo.
Male. 18. British.
1 - I think it was good.
nothing special
2 - Could you please...
intrigued
3 - Oh, well.
interested
4- Hello
ready to he;p

Thursday 8 16:56

Ответ №7

Мужчина.

18 лет.

Британец.

1. «Я думаю, что она была хорошей». Чувство: «ничего особенного»;

2. «Не могли бы вы (could), пожалуйста, прояснить некоторые детали?».

Чувство: «заинтригован»;

3. «О, хорошо». Чувство: «заинтересован»;

4. «Здравствуйте». Чувство: «готовность помочь».

maronose   0

English

19

Female

1-- Yes, it was good.

Feelings: positive

2 -- Would you please go into more details?

Feelings: interested

3-- Nice!

Feelings: positive

4-- Hello, Dr ### speaking.

Feelings: neutral

September 01 в 15:13

Ответ №8

Женщина.

19 лет.

Англичанка.

1. «Да, она была хорошей». Чувство: «позитивное»;

2. «Не могли бы вы (would), пожалуйста, прояснить некоторые детали?».

Чувство: «заинтересован»;

3. «Мило». Чувство: «позитивное»;

4. «Здравствуйте, доктор такой-то слушает». Чувство: «нейтральное».

eturgeon   0  4291

British (Scotland, Dumfries).

Male.

21.

1. I think it was good.

(Not necessarily)

2. Could you please go into more details?

(May be really interested or just wants to look smart)

3. Oh good.

(Has to react somehow)

4. Hello, sir.

(Not really happy to listen to one more guy complaining)

Thursday в 01:51

Ответ №9

Мужчина.

21 год.

Британец (Шотландия, Думфрайс).

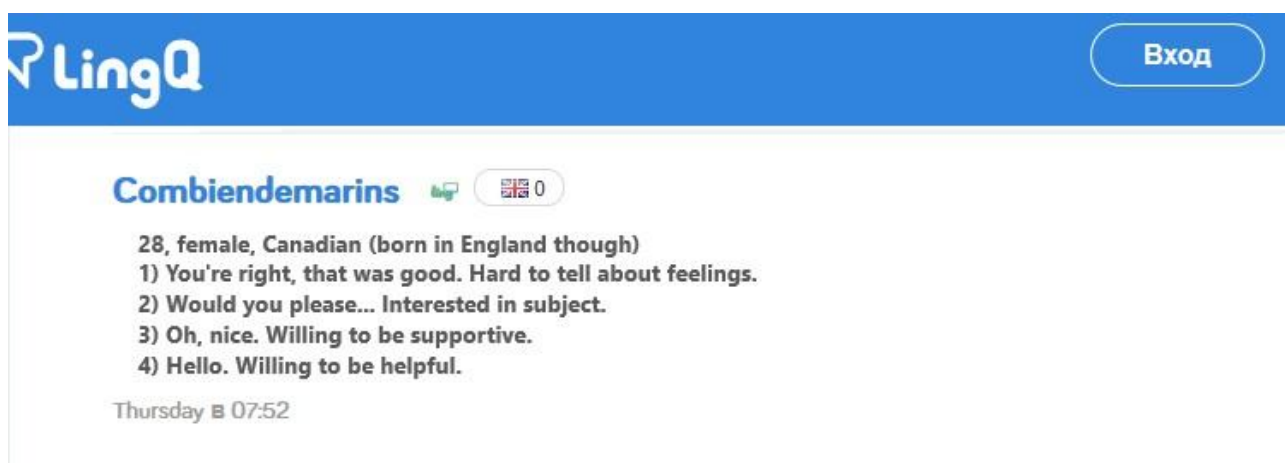
1. «Я думаю, она была хорошей». Чувство: «не обязательно»;

2. «Не могли бы вы (could), пожалуйста, прояснить некоторые детали?».

Чувство: «может быть заинтересованным, может, просто хочет выглядеть умным»;

3. «О, хорошо». Чувство: «должен как-то отреагировать»;

4. «Здравствуйте, сэр». Чувство: «не очень-то хочет слушать жалобы этого парня».



Ответ №10

Женщина.

28 лет.

Канадка (родилась в Великобритании).

1. «Ты прав, она была хорошей». Чувство: «о чувствах тяжело судить»;

2. «Не могли бы вы (would), пожалуйста...». Чувство: «заинтересован в теме»;

3. «О, мило». Чувство: «желает оказать эмоциональную поддержку»;

4. «Здравствуйте». Чувство: «желает быть полезной».